

#12 (52), 2019 część 3
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

#12 (52), 2019 part 3
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

**Dawid Kowalik (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Peter Clarkwood(University College
London)**

**Igor Dziedzic (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Klimek (Polska Akademia
Nauk)**

**Alexander Rogowski (Uniwersytet
Jagielloński)**

Kehan Schreiner(Hebrew University)

**Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika
Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)**

**Anthony Maverick(Bar-Ilan
University)**

**Mikołaj Żukowski (Uniwersytet
Warszawski)**

**Mateusz Marszałek (Uniwersytet
Jagielloński)**

**Szymon Matysiak (Polska Akademia
Nauk)**

**Michał Niewiadomski (Instytut
Stosunków Międzynarodowych)**

Editor in chief - Adam Barczuk

1000 kopii.

**Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie
85/21, 02-001 Warszawa, Polska»**

**Wschodnioeuropejskie Czasopismo
Naukowe**

**Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001
Warszawa, Polska**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

1000 copies.

**Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-
001 Warsaw, Poland»**

East European Scientific Journal

**Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw,
Poland**

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Коньров А. Т. АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКАХ	4
Розмаріцина Н. А. УПРАВЛІННЯ ЯКІСТЮ В СФЕРІ НАДАННЯ АДМІНІСТРАТИВНИХ ПОСЛУГ	8

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Barash R. E., Antonovskiy A. Yu. CIVIL IDENTITY OF THE RUSSIA'S SCIENTISTS' UNDER THE CONTEMPORARY CONTEXT	16
Рахметова Р.У., Иргебаева Н.М., Андекина Р.Э. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ В КАЗАХСТАНЕ	23
Сутырина О. Н. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ФОРУМОВ	26

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жулибой угли Ойбек ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА В СФЕРЕ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА	32
Абдурахманов С. К., Гюльмагомедова Г. А. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ	35
Астахин А.С. МОДЕЛИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ С ФУНКЦИЕЙ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	38

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 32.002.2

ORCID 0000-0002-6776-1379

© 2019

Коньров Акжол Турагулович

старший научный сотрудник,

Военный научно-исследовательский центр,

Национальный университет обороны имени

Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы

(010000, Казахстан, Нур-Султан, проспект Туран, 72)

АНАЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В ОТКРЫТЫХ ИСТОЧНИКАХ

© 2019

Konyrov Akzhol Turagulovich

Senior Researcher, Scientific Research Institute,

National defense university named after

the First President of the Republic of Kazakhstan – Elbasy

(010000, Kazakhstan, Nur-Sultan, 72 Turan ave)

ANALYTICAL WORK IN OPEN SOURCES

Аннотация. Статья посвящена проблеме открытых источников в информационно-аналитической деятельности. На основе фактов и примеров утверждается, что открытая информация в умелых руках исследователя с большим методологическим багажом способна «заиграть» новыми знаниями и проблемами. Сбор и анализ информации в новых исторических и правовых условиях остается в числе главных аспектов исследовательской научной и другой работы.

Annotation. The article is devoted to the problem of open sources in information and analytical activities. On the basis of facts and examples, it is argued that open information in the capable hands of a researcher with a large methodological background can “play up” with new knowledge and problems. The collection and analysis of information in new historical and legal conditions remains among the main aspects of research, scientific and other work.

Ключевые слова: Информация, открытые источники, законодательная база свободного доступа к информации, аналитическая работа, исследовательские подходы, исторический аспект открытия закрытых источников информации.

Keywords: Information, open sources, legislative base of free access to information, analytical work, research approaches, historical aspect of the discovery of closed sources of information.

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Среди ценностей современного информационного общества, в медийном мире фигурирует эксклюзив, то есть то, что было скрытой, тайной информацией и предоставляется только «одному уху». На подобном «открытии» информации строятся сенсация, рейтинги, приток информационных потребителей. Подобные манипуляции с публичным пространством используются не только в меркантильных целях, но и в политических: история содержит много примеров борьбы компроматов [1, С.155-159]. В данных ситуациях аналитическая работа проводится, прежде всего, в направлении спектра изменений в информационном поле, в публичном политическом пространстве после открытия, обнародования тайны.

Анализ последних исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты этой проблемы и на которых обосновывается автор; выделение неразрешенных ранее частей общей

проблемы. Интерес данной работы сосредоточен на открытых источниках. Их открытость регулируется рядом законов РФ. Среди них: Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" от 09.02.2009 N 8-ФЗ (последняя редакция) [2], Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 01.05.2019) "О средствах массовой информации" [3], Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ ст. 8 (ред. от 18.03.2019). Правоохранительными органами отслеживается вопрос о недопустимости ограничения доступа к:

1) нормативным правовым актам, затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающим правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления; 2) информации о состоянии окружающей среды; 3) информации о деятельности государственных органов и органов местного

самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну); 4) информации, накапливаемой в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан (физических лиц) и организаций такой информацией; 5) иной информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлена федеральными законами [4].

В ФЗ «О СМИ» и ФЗ «Об информации...» уделяется внимание праву на получение информации. Дублирования здесь нет. В первом ФЗ внимание уделяется отношениям СМИ с гражданами и организациями [5], а во втором – право закрепляется за обычным гражданином. Практика показывает, что иногда даже настойчивость аккредитованных журналистов в борьбе за обеспечение доступа к источникам информации еще слаба. Обычному гражданину, например, ученому еще сложнее.

Правовые механизмы по добыванию информации в РФ имеются. Это отражено, например, в Пунктах 5,6,7. Статьи 8 ФЗ «Об информации...» [6]. Но практика по жалобам, судебная практика недостаточно развита.

Для определенной информации Российское законодательство устанавливает к ней ограниченный доступ. Он регулируется, если присутствуют: государственная тайна, конфиденциальность, персональные данные, коммерческая тайна, служебная тайна, профессиональная тайна, тайна следствия и судопроизводства, сведения о сущности изобретения и другие тайны.

Формирование целей статьи (постановка задания). Вопрос данной работы сосредоточен на открытых источниках, где содержится информация, к которой нельзя ограничивать доступ [7].

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Структурно важно затронуть два направления: 1- аналитическое, методологическое, виды аналитической работы в зависимости от научно-политологического развития; 2 – историко-хронологическое, связанное с развитием общественной и политической жизни. Соответственно, с возможностями аналитики и открытием-закрытием источников информации в разных сферах деятельности общества.

Виды аналитической работы в зависимости от научно-политологического развития

Анализ - это поиск ответов на вопросы: кто, как, зачем и почему? Это метод исследования объекта путем его расчленения, разложения целого на составные части. Аналитическая работа представляет собой научный труд с использованием всего поискового, методологического багажа, накопленного

естественными и гуманитарными науками к моменту исследования.

В политологической учебной и научной литературе в построении методологической системы разногласий нет. Методы группируются на: общетеоретические (диалектика, системный, формализация, социологический подход, нормативно-ценностный, структурно-функциональный, психологический подход, институциональный метод); общелогические (анализ, синтез, индукция, абстрагирование, сравнение); эмпирические (описание, эмпирические, математические, анкетирование, опрос, теория игр, наблюдение, контент-анализ, семиотики, герменевтики).

В политологическом багаже присутствуют естественно-научные методы, в целях которых – поиск общего в частном, в конечном счете, открытие новых законов, скрытых в природе. Но так как политология – наука не о природе, а об обществе, то методология гуманитарного познания, сосредоточенная на поиске особенного, уникального, в синтезе, имеет особое значение. Существует научная полемика о «несостоятельности» гуманитарных наук в связи с тем, что их аналитические результаты не имеют критериев скрупулезной точности, объективности, одинаковой повторяемости. На этом останавливаться не следует: гуманитарное познание пробивает себе дорогу, укореняется, ветвится и занимает свою нишу. Хотя отметим здесь властную, политическую подоплеку: около 300 лет назад, в период основания Санкт-Петербургского университета именно политическая воля академической верхушки-элиты «отсекла» научное сообщество от разработок в сфере гуманитарного знания. Материально и хвалебно поощрялись притязания только на попрание естественных наук.

Ростки гуманитарных наук, в том числе и политология, получили едва заметное движение только в 19 веке, но материалы представляли собой исключительно описания реальной жизни наблюдателя, в виде записок путешественника. Если и проводился анализ, то эмпирический и сравнительный – во временных рамках, в пространственных пределах. К 21 веку гуманитарная методология в политологии содержит большой спектр исследовательских методов и подходов.

К 21 веку человеческое общество в мировом масштабе и российское, пройдя стадии аграрных приоритетов, индустриальных, постиндустриальных, пришло к значимости ценности информации, которая, оказывается, может, если не перевернуть мир, то развернуть мир на 180 градусов.

Появляются потоки общедоступной информации, в которых современный человек и тонет. Но не всегда общедоступная информация транслировалась на весь обитаемый земной шар и переводилась на все языки мира. Это

подтверждается следующим примером - почти юмористической историей, связанной с советским разведчиком Рудольфом Абелем. ФБР провело анализ его радиogramм и установило, что основную канву для своих сообщений он черпал из публикаций «New York Times» и «Scientific American». Новизна и актуальная информация для советских органов, несомненно, присутствовала, так как другого способа познакомиться с прессой врага по «холодной войне» не было. Также Абель предлагал свой герменевтический анализ газетных и журнальных текстов, т.е. проводил истолкование-«перевод» статей журналистов и редакторов – носителей сознания американского народа для понимания советскому человеку.

Гуманитарная методология к концу 20 века получила расцвет: появилось много исследовательских подходов в изучении информационных потоков. Например, сетевой, дискурсивный, что явилось следствием развития науки коммуникативистики. Когда все более значимым становится информационное пространство, в котором появляются и исчезают дискурсы, показывающие тяготения, тенденции в настроениях общества... Такое словосочетание (концепт) как «лицо кавказской национальности» - изобретение СМИ времен перестройки, имеет глубокое многогранное содержание, указывающее на то, в каком смятенном сознании находилось все российское общество.

Параллельно с информационным свободным развитием происходят процессы в политическом открытом пространстве, т.е. в публичной политике. Здесь могут исследоваться и измеряться дискурсы и риторики. Публичные риторики сами по себе имеют статус открытости, так как все в нем произошедшее фиксируется, распространяется, интерпретируется, комментируется и т.д.

Основными разработчиками методологии исследования информационных потоков, конечно, являются специалисты по точным наукам, создатели техники, по которым распространяются потоки информации, творцы информационных технологий. Технари по своим родным методикам анализируют информационные материалы, где внимание концентрируется, например, на плюсоминус моментах:

- количестве позитивных и негативных по отношению к субъекту публикаций (контент-анализ);
- круге их авторов, а по возможности и заказчиков;
- степени монополизации данной темы;
- имеющихся взаимосвязях между рекламными объявлениями конкурентов и заказными статьями в отношении того или иного хозяйствующего субъекта;
- наличии в изучаемых материалах сбалансированной оценки происходящего.

Данная методология обработки открытых информационных источников показывает, как переплетаются точная объективная информация и

сведения субъективного характера, поэтому результатами будут тенденции, возможности, опасения.

Исключительными результатами по оригинальности, уникальности аналитической работы с открытыми источниками следует считать те, где проведено исследование с использованием математических, статистических и других подходов из точных наук, а на следующем этапе применяются гуманитарные технологии. Следующий пример показывает, как за цифрами исследователь наблюдает за духовной жизнью общества.

Исследование И. А. Гундарова [8] на основе открытых источников демонстрирует, например, удручающую социально-психологическую картину российского общества первых лет перестройки: высочайший процент суицидальных случаев среди людей работоспособного возраста. Автор объясняет эту ситуацию потерей целей, отсутствием примеров успешных жизненных сценариев в данном времени-пространстве.

В основу работы положен анализ материалов, опубликованных в официальных изданиях ЦСУ СССР (1932-1990 гг.), Комиссии СЭВ по сотрудничеству в области статистики (1989 г), Госкомстата РСФСР и Госкомстата РФ (1990-2000 гг.). Он сделал ссылки на газетные публикации [9]. И.А. Гундаров не только ученый-естественник - доктор медицинских наук, профессор, член РАЕН, но и гуманитарий-кандидат философских наук [10]. Его можно назвать политологом: он эксперт Государственной думы РФ, член президиума Общероссийского общественного совета по вопросам качества жизни граждан РФ. Названную выше монографию написал, как пособие для общества и государственной власти.

Несомненно, открытые источники, с которыми работал И. А. Гундаров, содержат политическую информацию. Оппоненты легко могут интерпретировать статистические данные, как неуспех политических и экономических преобразований в стране и обществе. Для сравнения с советскими временами: такая информация была закрыта. Открытые источники пронизывала советская политическая мифология построения «светлого будущего» на том, что в стране нет изъянов: нет суицида, нет маньяков, нет пожаров и т.д. И все будет хорошо!

Исторический вопрос об открытости источников информации [11]

Для современной России важен исторический период политического становления свободы слова, открытости источников информации. Он начался в 1986 году после озвучивания М. С. Горбачевым на 27 съезде КПСС долгожданного термина «гласность». Политика гласности вышла из-под контроля и захлестнула общественную жизнь целиком. В перестроечной России вопрос о свободе информации, о доступе к различным видам информационных источников для общества оказался настолько важен, что закон «О СМИ» [12]

был принят раньше основного закона любой страны - новой Конституции [13].

Аналитическая работа может привести к некоторым результатам на стадии поиска информации, обнаружению ее статуса свободной или несвободной, защищенной. Закон о СМИ предусматривает шаги по получению информации, ознакомлению с источниками. Препятствование запросам СМИ, нарушение законодательства ведет к выводу об отношении к защищаемой информации (к источнику информации) ее владельца. Вопросы: почему ограничивается свобода слова. Кто конкретно персонально закрывает доступ? В каких целях? Ответы на эти вопросы ведут к раскрытию около источниковых ответов о личных, корпоративных и других интересах.

Выводы исследования и перспективы дальнейших изысканий данного направления. Аналитическая работа с открытыми источниками должна привести к получению политологического знания. Необходимо результату давать обоснование – какова значимость труда для науки о политике, ее предмете (политическая жизнь в целом, ее основные компоненты, тенденции изменения и связи с другими сферами общественной жизни) и объекте познания (политическая сфера жизни общества: политические отношения, политическая система, политическая культура, политические процессы). Тенденции гуманитарного знания развиваются в сторону междисциплинарных поисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Демидов В. В. Взаимодополнение открытых и скрытых источников внешнеполитической информации в аналитической работе//Дискурс-Пи. 2014. №1. pp. 155-159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodopolnenie-otkrytyh-i-skrytyh-istochnikov-vneshnepoliticheskoy-informatsii-v-analiticheskoy-rabote> (дата обращения: 27.05.2019).
2. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/.
3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/.
4. Статья 8. Право на доступ к информации ФЗ «Об информации, информационных технологиях и

о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ ст. 8 (ред. от 18.03.2019).

5. Глава 4. Отношения СМИ с гражданами и организациями Статья 38. Право на получение информации.

6. Пункты 5, 6, 7. Статья 8. Право на доступ к информации ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ ст. 8 (ред. от 18.03.2019) 5. Лицо, желающее получить доступ к такой информации, не обязано обосновывать необходимость ее получения.; 6. Решения и действия (бездействие) государственных органов и органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, нарушающие право на доступ к информации, могут быть обжалованы в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу либо в суд; 7. В случае, если в результате неправомерного отказа в доступе к информации, несвоевременного ее предоставления, предоставления заведомо недостоверной или не соответствующей содержанию запроса информации были причинены убытки, такие убытки подлежат возмещению в соответствии с гражданским законодательством.

7. Перечень см. выше: Ст.10 того же ФЗ РФ от 27 июля 2006 г. N 149 "Об информации...":

8. Гундаров И. А. «Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. Почему вымирают русские». М., Эдиториал УРСС, 2001 – 208 с.

9. С. 7.

10. Является специалистом в области эпидемиологии и медицинской статистики, руководителем лаборатории Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины Минздрава РФ, профессором МГУ, заведующим лабораторией НИИ общественного здоровья и управления здравоохранением Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова.

11. Информационные источники, распространяющие сведения без каких-либо условий, запретов, исключений: СМИ, пресс-службы, суды, глобальная сеть интернет, брифинги, пресс-конференции, наблюдение, эксперимент.

12. В 1991 году.

13. В 1993 году.

Rozmaritsyna N. A.

*Post-graduate student of the Department of Economic and Financial Policy,
Odesa regional institute of Public Administration of the
National Academy of Public Administration under the President of Ukraine
ORCID: 0000-0002-1140-2107*

QUALITY MANAGEMENT IN THE FIELD OF PROVIDING ADMINISTRATIVE SERVICES

Розмаріцина Наталія Анатоліївна

*аспірант кафедри економічної та фінансової політики
Одеського регіонального інституту державного управління
Національної академії державного управління при Президентові України
ORCID: 0000-0002-1140-2107*

УПРАВЛІННЯ ЯКІСТЮ В СФЕРІ НАДАННЯ АДМІНІСТРАТИВНИХ ПОСЛУГ

Summary. The article explores the peculiarities of the application of the quality management system for the provision of administrative services in the activities of public authorities. The historical stages of development of the concept of "quality" are analyzed, the basic functions of quality management of products and services are revealed. The principles of the quality management system in the activity of public authorities are investigated in order to increase their efficiency and optimize the functioning of processes.

The main problems of the current state of administrative services and the steps needed to solve them are identified.

The objective necessity of creation, development and functioning of a complex system of quality management of the provision of administrative services in Ukraine has been proved, and proposals for its development and gradual distribution throughout Ukraine are presented.

Анотація. У статті досліджено особливості застосування системи управління якістю надання адміністративних послуг в діяльність органів публічної влади. Проаналізовано історичні етапи розвитку поняття "якість", розкрито основні функції управління якістю продукції та послуг. Досліджено принципи системи управління якістю в діяльності органів публічної влади з метою підвищення їх ефективності та оптимізації функціонування процесів.

Визначено основні проблеми існуючого стану надання адміністративних послуг та кроки, необхідні для їх вирішення.

Доведено об'єктивну необхідність створення, розвитку та функціонування комплексної системи управління якістю надання адміністративних послуг в Україні та надано пропозиції щодо її розвитку та поступового поширення на всю територію України.

Key words: *quality of services, international standard ISO 9000, quality management system, public authorities, evaluation of the quality of administrative services.*

Ключові слова: *якість послуг, міжнародний стандарт ISO 9000, система управління якістю, органи публічної влади, оцінювання якості надання адміністративних послуг.*

Постановка проблеми. Проблема ефективності управління в українському суспільстві залишається на сьогодні достатньо гострою і актуальною. Поряд з традиційними причинами неефективності, нерезультативності, неспроможності національної системи публічного управління здійснювати свою діяльність сьогодні постають нові виклики та випробування, зумовлені передусім посиленням ролі громадянина в суспільстві. До цього додаються такі сучасні вимоги, як оптимальність витрат на надання адміністративних послуг, усвідомлення "сервісної" функції держави та орієнтація на суб'єкта звернення, застосування єдиних норм, стандартів та процедур у системі управління, налагодження належного зв'язку між державою та суспільством загалом та державою і громадянином зокрема.

Підвищення ефективності діяльності органів публічної влади, реалізації ними державних функцій та надання якісних адміністративних послуг стало лейтмотивом реформування публічного управління [1]. Починаючи з 2000 року Стратегією реформування системи державної служби в Україні [2] передбачено регулярне вивчення оцінки населення щодо якості та ефективності роботи органів публічної влади і відповідно - розробку критеріїв оцінки надання адміністративних послуг фізичним і юридичним особам; запровадження принципово нового типу взаємовідносин між громадянами і державними службовцями. Однак прийняття нормативно-правових актів не вирішує питання унормування оцінювання якості надання адміністративних послуг. У зв'язку з чим, вирішення даного питання потребує встановлення єдиного стандарту оцінки якості надання адміністративних послуг відповідно

до вимог стандарту ISO 9000 через впровадження та розвиток в органах публічної влади системи управління якістю, визначення чітких процедур її управління, забезпечення контролю якості на засадах процесного та системного підходів. Однак, незважаючи на це, прийняття зазначених нормативно-правових актів не вирішує питання унормування оцінювання якості надання адміністративних послуг, що зумовлено реалізацією державної політики у сфері управління якістю продукції (товарів, робіт, послуг). Програми запровадження системи управління якістю в органах публічної влади і має здійснюватись відповідно до вимог стандарту ISO 9000.

Досвід розвинених країн світу свідчить про те, що вдосконалення системи управління якістю є найефективнішим засобом досягнення успіху. Для вдосконалення власних систем управління якістю європейські компанії використовують міжнародні стандарти ISO 9000, а також похідні від них QS 9000, ISO 14000 тощо. Попри це найвищого ефекту досягають організації, які використовують системи якості на засадах концепцій загального управління якістю (TQM), що передбачають постійне вдосконалення функціонування структури, поліпшення якості наданої продукції/послуги і задоволення потреб усіх зацікавлених сторін.

Реалізація стратегічного курсу на європейську інтеграцію вимагає від України впровадження в публічне управління принципів міжнародного менеджменту якості для забезпечення ефективності публічного управління та надання якісних адміністративних послуг.

Аналіз останніх досліджень і публікацій.

Суспільна значущість окреслених питань для розвитку системи надання адміністративних послуг та їх недосконалість на законодавчому рівні зумовила достатньо високий рівень інтересу до них у наукових колах. Окремих аспектів проблеми забезпечення надання якісних адміністративних послуг торкалися вітчизняні науковці та практики О. Абрамова, Л. Прудіус, П. Калита, Н. Тарнавська, В. Родченко, М. Іжа, С. Безродна, Л. Траченко, В. Тимошук, Б. Заплотинський та ін. [3; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 12; 13; 15]. Також значну увагу практичним аспектам впровадження стандартів ISO 9000:2000 приділяли такі дослідники, як В. Шахов, Ю. Адлер, М. Свиткин, І. Грицяк, О. Оржель, С. Гладкова та ін. [16; 17; 18; 19]. У своїх роботах вони досліджували систему надання адміністративних послуг з точки зору менеджменту та досвіду провідних Європейських країн, аналізували систему управління якістю адміністративних послуг, розглядали питання впровадження міжнародного стандарту ISO 9000 та історичні етапи розвитку поняття "якість". Незважаючи на певний науковий інтерес до проблематики надання якісних адміністративних послуг в Україні, не втрачає своєї актуальності потреба в комплексному дослідженні усіх складових системи контролю якості у вітчизняній системі надання адміністративних послуг суб'єктам звернення.

Зокрема, значний інтерес викликає дослідження досвіду використання системи контролю якості надання адміністративних послуг органами публічної влади в Україні.

Мета статті. Метою статті є дослідження та аналіз запровадження системи управління якістю надання адміністративних послуг відповідно до міжнародного стандарту якості ISO 9000.

Виклад основного матеріалу дослідження. Одночасно з виникненням виробництва товарів і послуг набула розвитку історія якості. З розвитком виробничих процесів змінювалось і ставлення до якості.

Якість дозволяла відчувати задоволення від своєї роботи. В різних країнах за виготовлення неякісної продукції передбачалася різна міра покарання: за несумлінну роботу до винуватого застосовувалося суворе покарання [3].

Вперше категорія якості була проаналізована давньогрецьким філософом Аристотелем. Німецький філософ Гегель розглядав якість як логічну категорію, вбачаючи в ній початковий ступінь пізнання речей і становлення світу. У розмовній мові слово "якість" використовується в різних значеннях. Але коли говорять про якість виробу або послуги, то мають на увазі їхні особливі властивості, які представлені у вигляді сукупності його характеристик.

Відповідно до міжнародного стандарту ISO 9000:2000 під якістю розуміється ступінь, у якому сукупність властивих характеристик виконує вимоги. У деяких джерелах якість позначається як "придатність для використання" або "задоволення потреб споживача" [4. с. 30].

В Європейській хартії якості зазначено:

Організація повинна точно відповідати потребам і очікуванням клієнтів і споживачів для того, щоб бути конкурентоспроможною. І в цьому полягає мета досконалості будь-якої організації. Якість ґрунтується також на залученні та відповідальності кожної особи (організація та методологія повинні базуватися на ініціативі персоналу і орієнтуватися на споживача).

Якість є безсумнівним виміром ефективності. Через скорочення витрат, використання творчих можливостей, сприяння інноваціям, оновлення організації та заохочення ініціативи якість є рушійною силою для конкурентоспроможності і, таким чином, для зайнятості [5, с. 65].

Н. Тарнавська зазначає, що "кожна організація повинна розробляти та впроваджувати ефективні системи управління якістю" [6, с. 383].

Отже, якість продукції – сукупність її властивостей і характеристик, що зумовлюють спроможність даної продукції задовольнити потреби споживачів/суб'єктів звернення згідно з її цільовим призначенням (рис.1) [7].

Рис. 1. Основні вимоги суб'єктів звернення до якості продукції, робіт та послуг

Об'єктом управління якістю вважається виробничий процес, в ході якого при створенні продукції формується її якість, а суб'єктом - система якості як інструмент управління ним [8, с. 39], що являє собою сукупність організаційної структури, методик, процесів і ресурсів, необхідних для здійснення управління якістю [8, с. 37], комплекс дій, що спрямовані на забезпечення якості й підвищення задоволеності споживача [9, с. 87].

Наведемо деякі функції управління якістю продукції та послуг (рис. 2). Кожна з функцій являє собою поєднання споріднених або близьких за змістом завдань поліпшення якості продукції, які диференціюються за стадіями життєвого циклу продукції та рівнями управління.

Окремо взята функція реалізується у відповідній функційній підсистемі системи управління якістю продукції [4, с. 30-31].

В 1957 році поняття комплексне управління якістю було введено А. Фейгенбаумом як ефективна система, що поєднує діяльність різних підрозділів організації, які відповідальні за розробку параметрів якості, підтримання досягнутого рівня якості та його підвищення.

Різні країни світу намагаються зблизити рівні якості через обмін досвідом роботи щодо поліпшення якості, інтеграцію всіх підходів і методів, впровадження міжнародних стандартів тощо. Отже, якість життя вважається тим краще, чим більше покриті потреби людини [10, с. 50].

Рис. 2. Функції управління якістю продукції та послуг

В останні роки більшість держав-членів Європейського Союзу розвивали політику якості і спонукали приватні компанії приймати якість як спосіб удосконалення своєї діяльності. Водночас, віддаючи належне стандартам ISO 9000 як засобам гарантування якості, Європейська комісія (ЕК) зазначила, що сертифікація систем якості відповідно до ISO 9000 не забезпечують усіх

необхідних умов для підвищення конкурентоспроможності компаній. Впровадження ISO 9000 розглядається лише як крок до більш глобального загального управління, яке відображено в Європейській моделі досконалості – Моделі досконалості Європейського фонду управління якістю. У чинній європейській політиці сприяння якості зазначається, що запропонований

ЄК підхід до якості - всеохоплююча стратегія досягнення найвищої якості в Європі, що спрямована на підвищення ефективності й конкурентоспроможності компаній і якості життя в Європі [5].

Основними принципами управління якістю є: орієнтація на замовника; лідерство; залучення працівників; процесний підхід; системний підхід до управління; постійне поліпшення; прийняття рішень на підставі фактів; взаємовигідні відносини з постачальниками [11].

Управління якістю має стати невід'ємною частиною процесу надання послуги та включає:

- вимірювання і перевірку видів діяльності в рамках процесу надання послуги;
- самоконтроль персоналу, залученого до надання послуги;
- оцінювання адміністративної послуги, що надається, з метою визначення її якості.

Таким чином, суб'єкт звернення перебуває в центрі трьох ключових аспектів системи менеджменту якості, яку представлено на рис. 3 [12, с. 128-129].

Рис. 3. Ключові аспекти системи менеджменту якості

Згідно з рис. 3 задоволення суб'єктів звернення досягається за умови гармонії між відповідальністю керівництва, персоналом, матеріальними ресурсами і структурою системи якості.

Надана суб'єктом звернення оцінка послуги - це остаточна міра її якості. При оцінці наданої послуги суб'єкт звернення виходить лише з власної суб'єктивної думки та рідко повідомляє організацію про свою оцінку наданої їм послуги. У разі свого незадоволення послугами суб'єкти звернення припиняють користуватися ними, не надаючи змоги виконати організації відповідні коригувальні дії. Отже, органи публічної влади, а особливо Центри надання адміністративних послуг, мають проводити практику постійного оцінювання і визначення ступеня задоволеності потреб суб'єктів звернення, при цьому основну увагу слід приділити тому, наскільки процес надання послуги відповідає потребам суб'єктів звернення.

Процес управління якістю повинен охоплювати всі стадії виробництва. В разі проведення контролю та аналізу зібраної інформації виявиться, що надані послуги відповідають встановленим вимогам, то наступний цикл управління проводиться вже на більш високому рівні. За рахунок послідовного поліпшення якості продукції відбувається вдосконалення як процесу надання послуг, так і самої послуги, у відповідності до вимог [4, с. 16].

Деякі дослідники вважають, що оцінювання

якості надання послуг - перевірка діяльності адміністративного органу щодо надання адміністративних послуг на відповідність офіційно встановленим вимогам і/або очікуванням суб'єктів звернення [13, с. 11].

Зрозуміло, що для оцінювання якості надання адміністративних послуг здійснюється відповідно критеріям. За загальним правилом, такий критерій має бути придатним для вироблення на його основі стандартів надання адміністративних послуг [14, с. 614].

Оцінювання якості надання адміністративних послуг може здійснюватися як із погляду держави (внутрішнє оцінювання органу публічної влади), так і з позиції суб'єктів звернення (зовнішнє оцінювання). Отже, якість надання адміністративних послуг має базуватися на виробленні критеріїв, які повинні бути законодавчо затвердженні у вигляді стандартів. У разі порушення будь-якого критерію надання адміністративних послуг має наставати юридична відповідальність працівників органів публічної влади.

В організації, яка застосовує систему якості мають бути передбачені обов'язки і відповідальність осіб за виконання коригувальних дій. При виявленні невідповідності, її слід зареєструвати, проаналізувати і усунути.

Коригувальні дії зазвичай виконують у два етапи:

– негайні заходи щодо задоволення потреб суб'єкта звернення;

– аналіз основної причини невідповідності послуги та розробка дій, що дозволяють запобігати повторному прояву виявленого недоліку. Під час проведення коригувальних дій слід контролювати їхню ефективність.

Керівництву Центру надання адміністративних послуг необхідно практикувати постійний аналіз та оцінювання функціонування процесу надання адміністративних послуг, що дає змогу виявляти резерви поліпшення якості послуг і активно їх реалізовувати. Для проведення такого оцінювання слід створити інформаційну систему зі збирання і поширення даних з усіх відповідних джерел. Керівництво має призначити відповідальних за ведення інформаційної системи і за поліпшення якості адміністративних послуг [12, с. 130].

Основна мета аналізу даних має полягати у виявленні причин помилок та заходів щодо їх попередження. Дуже часто помилки пояснюються недоліками функціонування послуги (законодавчий рівень), підготовки персоналу чи ресурсів (регіональний та місцевий рівень).

З метою збирання і використання даних та інформації можна використовувати статистичні методи, які дадуть змогу вивчити можливості, прогнозувати чи вимірювати якість надання адміністративної послуги.

В Центрах надання адміністративних послуг обов'язково має бути програма постійного поліпшення якості послуг, а також ефективності і результативності надання послуги, включаючи заходи з визначення:

- характеристики, поліпшення якої є найбільш вигідним з погляду суб'єкта звернення;
- будь-яких змін в органах публічної влади, що надають адміністративні послуги;
- будь-яких відхилень від установлених параметрів якості послуги;
- резервів зниження витрат при збереженні та поліпшенні якості послуг, що надаються [12, с. 130-131].

Система якості має базуватися на трьох основоположних процесах: маркетинг, проектування і надання адміністративної послуги. З позиції суб'єкта звернення якість послуги визначається цими трьома процесами, а також діями, пов'язаними з результатами зворотного зв'язку між суб'єктом звернення і суб'єктом надання послуг [15, с. 36].

На наш погляд, об'єктами контролю мають бути усі компоненти виробничої системи та її взаємопов'язаних елементів, тобто вхід (документи), сам процес надання адміністративної послуги, вихід (результат надання адміністративної послуги) [10, с. 24-25]. В умовах ринкових відносин якість продукції чи послуг забезпечується і гарантується приватними підприємствами [7].

А. Фейгенбаум одним із перших висунув концепцію загального контролю якості (Total

Quality Control – TQC), відповідно до якої контроль якості виробництва повинен втручатися в усі фази виробництва – від специфікацій суб'єктів звернення, через проектування, доставку продукції чи послуги суб'єкту звернення для його повного задоволення. В 1961 році вчений опублікував працю "Total Quality Control, Engineering and Management".

Відповідно до розробленої системи TQC з'явилися документовані системи якості, встановлена взаємодія всіх рівнів виробництва, забезпечувались кращі умови роботи, значна увага приділялася освітньому рівню працівників, його безперервному підвищенню.

Основним принципом результативності стало найбільш повне розкриття здібностей підлеглих, що передбачало самостійність і виключало примус. Якість розглядалася як єдина і найважливіша сила в організаційному успіху й рості компанії на національному і міжнародному ринках [4, с. 10].

Відповідно до нового підходу одним із першочергових завдань приватних компаній стало управління якістю, тобто відбулася перебудова свідомості людей в області управління. Приватні компанії стали орієнтуватися на наступні цілі:

- 1) насамперед – якість, а не короточасні прибутки;
- 2) головне – задоволення потреб суб'єкта звернення (споживача);
- 3) наступний етап виробничого процесу – суб'єкт звернення (споживач) продукції чи послуг;
- 4) інформаційне забезпечення і застосування економіко-математичних методів;
- 5) залучення всіх без винятку працівників до процесу управління якістю;
- 6) функціональне управління [4, с. 11].

Практика довела можливість двох основних цілей впровадження стандартів ISO 9000: перша – стандарти впроваджують як засіб підвищення ефективності діяльності підприємства, і при необхідності, проводиться сертифікація системи управління якістю на відповідність їх вимогам; друга – стандарти впроваджуються лише з метою сертифікації системи управління якістю [16, с. 33].

Сучасна концепція управління якістю – концепція управління будь-яким цілеспрямованим видом діяльності, що дозволяє досягти успіху не тільки в приватній сфері, але й у публічному управлінні та інших сферах [17].

Упровадження системи управління якістю в органах публічної влади має сприяти перегляду системи планування та аналізування діяльності органу та відповідно – державного службовця; узгодженню систем бюджетування і стратегічного планування, встановленню чіткого зв'язку між ресурсами і результатами, тому вимагатиме від органу влади визначати цілі, готувати щорічні звіти про результати реалізації цих цілей, проводити зовнішні та внутрішні аудити якості, вивчати очікування суб'єктів звернення та їх задоволеність наданими адміністративними послугами, при оцінці результатів діяльності орієнтуватися на

виконання програм і стратегічних планів. Таким чином, оцінка якості надання адміністративної послуги має бути побудована на принципах стандарту ISO 9000 [4, с. 18].

Дослідження практичних аспектів запровадження стандартів ISO 9000:2000 показує, що ключовими питаннями створення системи управління якістю є:

- вибір правильної стратегії запровадження стандартів;
- створення системи управління якістю на основі стандартів;
- реалізація принципів системи управління якістю;
- документування системи управління якістю;
- організація внутрішнього аудиту [18].

Упровадження системи управління якістю, що відповідає вимогам ДСТУ ISO 9001:2001, в органі публічної влади дає змогу покращити якість адміністративних послуг, які надаються суб'єктам звернення, забезпечити їх стабільний рівень, збільшити прозорість діяльності та рішень, що приймаються органами публічної влади, збільшити мотивацію та задоволеність персоналу, підвищити керованість роботи, можливість управління нею та її удосконалення.

Запровадження системи управління якістю в діяльність органів публічної влади наблизить державну владу до громадянина та суспільства і збільшить довіру громадян до влади [19, с. 160].

Вирішальним чинником успішності Європейського Союзу є його високі стандарти управління та врядування, на які зорієнтовані національні системи публічного управління держав-членів. У зв'язку з чим, архаїчні аналоги публічного управління та керівництва, успадковані від комуністично-радянської побудови, потрібно замінювати для того, щоб зробити національну систему публічного управління ефективною і спроможною забезпечити успішну реалізацію державної політики України у сфері європейської інтеграції [19, с. 3].

Необхідність упровадження систем менеджменту якості послуг в Україні обумовлена стрімкою глобалізацією та загостренням конкуренції, що накладає на процес надання послуг проблеми небачених масштабів. Вистояти у жорсткій конкурентній боротьбі на ринку послуг підприємства не зможуть без упровадження системи менеджменту якості відповідно до вимог міжнародних стандартів ISO 9000.

Задля успішного керівництва сфери надання адміністративних послуг, необхідно направляти її й управляти систематично й прозорим способом. Цього можна досягнути в результаті впровадження та підтриманні в робочому стані системи менеджменту якості, розробленої для постійного поліпшення діяльності з урахуванням потреб усіх зацікавлених сторін [12, с. 134].

Система Total Quality Management (TQM) в багатьох органах публічної влади, на відміну від

приватного сектора, використовується недостатньо ефективно.

Таким чином, для підвищення ефективності діяльності органів публічної влади та оптимізації функціонування процесів необхідне дотримання основних принципів TQM:

1. Орієнтація органу публічної влади на задоволення потреб суб'єкта звернення. В першу чергу система якості надання адміністративних послуг повинна бути орієнтована на вимоги суб'єкта звернення. Системний підхід починається зі збору та аналізу скарг і претензій суб'єктів звернення, проведення соціологічних опитувань, завдяки чому можна запобігти багатьом проблемам (такий метод використовують організації, які не мають системи якості). В умовах застосування TQM інформація та дані повинні надходити систематично та інтегруватися в процес, який дозволяє більш точно проаналізувати та надати висновки щодо потреб суб'єктів звернення. В організаціях, які впровадили TQM, отримана інформація та дані поширюються по всій організації.

2. Провідна роль керівництва в організації робочого сприятливого мікроклімату для досягнення поставлених цілей з максимальною віддачею співробітників. Головна мета будь-якого органу публічної влади - найбільш повно задовольняти потреби суб'єктів звернення та виправдати їх очікування. Постійною складовою функціонування організації повинні стати плани за якістю, які включені в стратегічні плани розвитку організації.

3. Залучення співробітників в діяльність з управління якості надання адміністративних послуг. Отже, створюються всі необхідні умови для повного розкриття творчого потенціалу персоналу з метою його подальшого використання в роботі. Керівництво органу публічної влади повинно прагнути до того, щоб співробітники були максимально наближені до цілей організації, а також матеріально і морально заохочені. Персонал організації повинен володіти методами роботи в команді. Роботи по постійному поліпшенню переважно організовуються і проводяться групами. При цьому сукупний результат роботи команди істотно перевершує суму результатів окремих виконавців [4, с. 13-14].

4. Для досягнення найкращого результату відповідні ресурси та діяльність потрібно розглядати як процес. Процесна модель складається з бізнес-процесів, учасниками яких є структурні підрозділи і посадові особи організаційної структури підприємства. Під бізнес-процесом розуміють сукупність різних видів діяльності, які мають цінність як для органу публічної влади, так і для суб'єкта звернення.

За допомогою управління процесами досягається задоволення потреб суб'єктів звернення. Наступним етапом на шляху до TQM є суворий контроль за використанням ресурсів і

пошук можливостей для зниження витрат на виробництво продукції або надання адміністративних послуг.

5. Системний підхід до управління дозволить використати зворотній зв'язок із суб'єктами звернення для розробки стратегічних планів по якості надання адміністративних послуг. Результативність та ефективність діяльності органу публічної влади можуть бути підвищені за рахунок створення та управління системою взаємопов'язаних процесів: процес створення продукції або послуг з процесами, які допомагають установити відповідність продукції або послуги потребам суб'єктів звернення.

6. Постійне поліпшення якості надання адміністративних послуг на підставі результатів оцінки ступеня задоволеності суб'єкта звернення (отриманої в ході зворотного зв'язку) і на показниках функціонування органу публічної влади. У разі виявлення проблем, потрібно вжити

необхідні коригувальні та запобіжні дії для запобігання таких проблем надалі.

7. Ефективні рішення ґрунтуються тільки на достовірних даних, отриманих після проведення внутрішніх перевірок, розгляду скарг і побажань суб'єктів звернення, аналізу ідей і пропозицій від співробітників і т.д.

8. Відносини з суб'єктами надання адміністративних послуг доцільно налагоджувати з метою подальшого розширення можливостей діяльності. Встановлюються документовані процедури, обов'язкові для дотримання суб'єктами надання адміністративних послуг на всіх етапах співробітництва.

9. Мінімізація втрат, пов'язаних з неякісною роботою. Стандартом роботи є відсутність дефектів, або за принципом "роби правильно з першого разу" [4, с. 15].

Процес надання адміністративних послуг повинен включати елементи менеджменту якості послуг, які наведені на рис. 4.

Рис. 4 Структурна схема менеджменту якості

Наведені принципи визначають ідейний зміст філософії TQM, яка виставляє якість як основний критерій оцінювання роботи будь-якої організації, в тому числі органу публічної влади. Якщо стандарти ISO 9000 націлені на досягнення якості кінцевою метою, то концепція TQM розглядає досягнення якості як поточний процес. Саме концепція TQM дає змогу максимально задовольняти вимоги і запити суб'єктів звернення.

Висновки з даного дослідження і перспективи подальших розвідок у даному напрямі. На основі проведеного дослідження зроблено висновок, що оцінка якості надання адміністративних послуг є обов'язковою складовою кожного процесу надання послуг і ґрунтується на процедурах аудиту системи управління якістю продукції. Серед найбільш поширених методів оцінювання, що використовуються при управлінні якістю, є статистичні методи, методи аналізування, моделювання, методи управління за цілями тощо. Серед методів вивчення очікувань суб'єктів звернення щодо надання послуги та задоволеності наданою послугою можна виділити: анкетування, опитування, інтерв'ювання, тестування тощо.

Досліджено, що впровадження міжнародного стандарту якості ISO 9000 в Україні є одним із інструментів для підвищення ефективності публічного управління та надання якісних адміністративних послуг, про що свідчить прийняття Програми запровадження системи управління якістю в органах публічної влади.

Доведено, що оцінка якості надання адміністративної послуги має бути побудована на принципах стандарту ISO 9000 через:

- впровадження та розвиток в органах публічної влади системи управління якістю;
- визначення критеріїв та показників якості адміністративних послуг, засобів та методів такої оцінки,
- визначення відповідальних за проведення оцінки надання адміністративних послуг;
- визначення чітких процедур управління якістю шляхом планування оцінювання якості;
- забезпечення оцінювання якості та його контролю;
- поліпшення оцінювання якості на засадах процесного та системного підходів.

Зроблено висновок, що стандартом оцінки якості надання адміністративних послуг має стати розроблена уніфікована процедура оцінки якості надання адміністративних послуг, побудована на принципах ISO 9001:2001 і затверджена відповідним рішенням уряду.

Україна перебуває лише на початковому етапі на шляху до кращих практик управління у країнах Європейського Союзу, в яких застосовуються такі загальні принципи управління якістю, як лідерство керівників організації на всіх рівнях; фокусування уваги на суб'єктах звернення та відповідність їх очікуванням; управління структурою як мережею пов'язаних процесів; постійне удосконалення та мотивація персоналу; взаємовигідні партнерські відносини з іншими організаціями.

Запровадження європейських та світових стандартів якості та створення системи управління якістю в органах публічної влади можуть суттєво підвищити адміністративну спроможність національної системи публічного управління та забезпечити її удосконалення і стратегічний розвиток.

Перспективи подальших розвідок у даній сфері можуть бути окреслені наступними напрямками:

- шляхи забезпечення якісних адміністративних послуг, які надаються органами публічної влади, з метою задоволення потреб та очікувань суб'єктів звернення та захист їх прав від отримання необґрунтованих рішень та зловживання службовим становищем;
- визначення ключових критеріїв, за якими потрібно проводити комплексне оцінювання якості надання адміністративних послуг на регіональному та місцевому рівнях;
- проведення міжнародних on-line семінарів з метою обміну кращим досвідом в сфері управління якістю адміністративних послуг, отримання знань та навичок роботи з системою TQM, розв'язання ситуативних вправ.

Список літератури:

1. Про Концепцію застосування програмно-цільового методу в бюджетному процесі: розпорядження Кабінету Міністрів України від 14 вересня 2002 року № 538-р. [Електронний ресурс]. - URL: http://www.minfin.gov.ua/control/uk/publish/article?art_id=52487&cat_id=51705 (дата звернення: 30.11.2019).
2. Про Стратегію реформування системи державної служби в Україні: Указ Президента України від 14 квіт. 2000 р. № 599 // Офіц. вісн. України. - 2000. - № 16. - С. 63-69.
3. Абрамова О. В. Управління якістю: класифікація витрат для забезпечення системи

якості / О. В. Абрамова // Бізнесінформ. - 2011. - № 6. - С. 82-85.

4. Прудіус Л. В. Оцінка якості надання адміністративних послуг: теоретико-методологічний підхід: наук. розробка / Л. В. Прудіус. - 2010. - К. - 40 с.

5. Калита П. Я. Український шлях до європейської досконалості. Якість - як національна ідея / П. Я. Калита. - 2006. - К. - 80 с.

6. Тарнавська Н. П. Менеджмент: теорія та практика: підруч. / Н. П. Тарнавська, Р. М. Пушкар. - 1997. - Тернопіль - 456 с.

7. Господарський кодекс України від 16.01.2003 р. / Парламентське видавництво. - 2003. - К. - 192 с.

8. Родченко В. В. Международный менеджмент / В. В. Родченко // МАУП. - 2000. - учеб. пособие. - К. - 240 с.

9. Іжа М. Організаційний механізм запровадження системи управління якістю в органах публічної влади / М. Іжа, Ю. Задорін // Актуальні проблеми державного управління. - 2008. - зб. наук. пр. - Одеса. - Вип. 1. - 228 с.

10. Безродна С. М. Управління якістю / Безродна С. М. - 2017. - навч. посіб. - Чернівці. - 174 с.

11. Державний стандарт України. Системи управління якістю. Основні положення та словник: ДСТУ ISO 9000-2001. - 2001. - К. - 33 с.

12. Траченко Л.А. Послуга як об'єкт товарознавства: організація та контроль за якістю: навчальний посібник. - 2012. - Одеса. - 152 с.

13. Тимошук В.П. Оцінка якості адміністративних послуг / В.П. Тимошук, А.В. Кірмач. - 2005. - К. - 88 с.

14. Юридична енциклопедія: в 6 т. / (редколегія Ю.С. Шемшученко та ін.). - 1998. - Укр. Енциклопедія. - К. - Т. 5. - 736 с.

15. Заплотинський Б.А., Тупкало В.М. Управління якістю. - 2015. - навч. посіб. - К. - 168 с.

16. Шахов В. М. ISO 9000. Системы управления качеством: от идеи до воплощения: монография / В. М. Шахов, А. Л. Голубенко, Р. В. Петренко. - 2004. - Луганск. - 204 с.

17. Адлер Ю. Процессное описание бизнес-основ для системы экономики качества / С. Щепетова, Ю. Адлер // Стандарты и качество. - 2012. - № 2. - С. 66-69.

18. Свиткин М.З. Практические аспекты внедрения стандартов ISO серии 9000:2000 [Електронний ресурс]. - URL: <http://www.management.com.ua/qm/qm039.html> (дата звернення: 05.12.2019).

19. Грицяк І. А., Оржель О. Ю., Гладкова С. М. та ін Стандарти європейського врядування / за заг. ред. І. А. Грицяка. - 2009. - навч. посіб. - К. - 184 с.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Barash Raisa Eduardovna

Cand.Sci.(Pol.Sci.),

Senior Researcher of the Centre for Complex Social Studies,

Institute of Sociology of the FCTAS RAS

(Krzhizhanovskogo str., 24/35, bld. 5, Moscow, Russia, 117218;)

Antonovskiy Alexander Yurevich

DSc in Philosophy,

Leading Researcher of Institute of Philosophy,

Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharynaya str.,

Moscow, 109240, Russian Federation;

Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University,

27/4, Lomonosovskiy av. GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

CIVIL IDENTITY OF THE RUSSIA'S SCIENTISTS' UNDER THE CONTEMPORARY CONTEXT¹

The authors judge upon the place, functions and prospects of the scientists' protest, interpreting it as a part of the communicative macro system. In order to fulfil the research goal and to illustrate the analytical theses the authors apply to the systemic communicative methodology as a scientific toolkit to analyze a real theoretical problem and thereby to legitimize the importance of the new communicative system of social protest.

Applying to the idea that very discourse of true knowledge of the world is often served as the absolute value of scientific discourse, the authors note that the value of such a "true perception" is used to be considered as the orienting model of behavior and communication as for the scientists as for other "less advanced" social communities. In such a context the politicians if seeking the independent authoritative judgments about the external world used to apply to a dedicated cohort of observers (i.e. to the scientific community), who are disinterested in the competitive struggle. In their turn the scientists apply to the external world either to confirm the accuracy of their own judgments or to guarantee the democratic structure of society itself. Thus the observational perspective of the scientists combines the collectiveness and consensus with truth.

So, as it is postulated in the article, the external world requires a detailed prescription of verification and justification, and the expert communities, universities and academies used to restore the principles of social control. Stressing that the scientific/academic communication combines both cognitive (impartial observation) and normative (value production) dimension of science the authors resume that scientific communication can qualify for the status of an emerging communicative macrosystem. The authors argue that the protest movement in science

could be considered as a practical resolution of the Merton – Popper paradox offering as the best samples of social order as the possibility to be the best observer of cognition.

Key words: Protest, Science, Scientist, Academy, University, Communication, Philosophy of Science

1. A "republic of scientists" and collective veracity

It is believed that scientists are specially trained observers, capable of seeing more than an average person can see. By stating the results of their observations, which they call knowledge, they claim priority before others, marking them with an additional index, veracity, an indicator of objectiveness, necessity, and *collectivity*. Indeed, any statement of a scientist, in his opinion, concedes that any member of a scientific collective can verify it. In this sense, it initially appears that a consensus (collectivity) and veracity accompany each other and do not exist without each other².

It appears that this coupling radically distinguishes science from other communities, say, from political associations, in which the collective nature of binding decisions does not at all certify (of course, in terms of an outside observer) its correctness or veracity (recall the decision of the Athenian court of law regarding Socrates).

This – characteristic of all weakly differentiated societies – unity of *collectivity/veracity*, for which politics and religion were responsible (true, beginning with debates on investiture, they were unable to agree who of them was the main guarantor in stating veracity and collectivity), splits into two quite self-contained types of communication, which use different tools of observation and, consequently, design of their own reality.

A scientist, climbing his "ebony tower" [1; 2], obtains, although only in his own point of view, a higher observing position. He sees what is inaccessible

¹ The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), under grant no. 18-011-01179 «Sociological, historical-ethnological and philosophical-anthropological factors of the formation of the identity of the Russia's citizens under the multicultural context»; under grant no. 17-03-00733-OGN «The systemic-communicative approach of N. Luhmann, applied to Russian society».

² Later it began to be argued using the thesis of the impossibility of a "private language" [3], but this argument is obviously superfluous [4].

to other observers and, primarily, captures the *finiteness of their field of view* and their dependence on their own imperfect observing tools. Thus, the statements of rulers, in a scientist's opinion, do not contain an image of reality, a passive or dispassionate intersubjective emotional feeling, induced by the external world itself as it is, i.e., truth. Passive "emotions" alone would not be sufficient to initiate collective will for action, behind the will (in opposition to the scientist's dispassionateness) lying partisanship or an interest of authorities, which are not obliged to consider what, in fact, exists in reality but proceed from the absence of wishful realities.

The single position of observing *collective veracity*, previously reserved for *politics/religion*, is now split into the prospects for the *proactive* and the *passively emotional*, "practitioners" and "theorists," "people of action" and "people of knowledge" [5]. However, such "contemplative passivity" of a scientist is as if compensated by his better observational resources. Now he can compare and put himself in the place of other observers (N. Machiavelli³); he analyzes observation (communication) tools that for politicians – like any instrumental tools (like M. Heidegger's *Zuhandene*) – are conceivably unaffected by reflection.

These tools are primarily those distinctions that have the main orienting and motivating meaning for participants in a political communication, namely, differences in their authoritative statuses, which for them and their career prospects mean much more than challenges of the external world (fates of people and fates of nature).

Gradually, this *external world* is as if passed for consideration and pronouncing judgments (or, to put it better, becomes available) to a dedicated cohort of observers, *disinterested* in their authoritative positions, from whom politicians now seek advice without fearing scientists as rivals capable of cheating them or displacing them in the competitive struggle. Moreover, this external world as a referee, common denominator, or truth-maker to whom any member of the scientific community has the right to address to seek assistance, does not only confirms the utterances of scientists but also guarantees, as an objective judge, the *democratic structure* of society itself.

In this sense, *collectivity and consensus* are again coupled with *truth*, but this time, in the observational perspective of the scientific community. Meanwhile, we gradually come to understand that the external world itself cannot just be appealed to as a referee but requires a detailed prescription of verification, justification, and monitoring procedures for its arbitral

functions on the part of scientists themselves. Expert communities, universities, royal societies, academies of sciences, academic councils, etc. appear for this function, restoring the principles of social control over the field that definitively required the minimization of such control and – paradoxically – solitary thinking. Restrictive bonds – the rules of the scientific method and scientific discourse – are again imposed on the freedom of theorization.

Hence, numerous ideas arise that not only true knowledge of the world is the final and absolute value of scientific discourse, but, on the contrary, *this very discourse* (verification procedures and specially socially regulated appeals to the external world as the ultimate source of knowledge and as a tool of validating veracity) has this orienting value and, therefore, can and should serve as a *model of behavior and a standard of communication not only for scientists but also for other "less advanced" communities*. Hence, the Renaissance–Enlightenment idea of *Respublica literaria* with its own principles and "prosecutors generals" and a chiefly written language of communication [6].

This idea has survived to this day. Thus, in the 19th century, F. Schleiermacher, for example, developed systematically the idea of a "scientific union" as a model way of communication and a new integrator of the ever-differentiating society⁴. In the 20th century, the question of the best way of teaching society to live according to the rules of scientists took the theoretical form of a special dilemma of *breach/continuity* (or *liberalism/communitarianism*) regarding society and science.

Some (M. Weber, A. Whitehead, and P. Sorokin among them) consider science as a dedicated observer who is critical and even negative in his judgments to the norms and values of other communities that they can to some extent transform, "retrain," or "cure" from their deficit of observation and attention in line with their own cognitive norms and goals.

Others (J. Dewey, O. Neurath, J. Bernal, and B. Hessen and N. Bukharin in Russia) asserted the opposite cause-and-effect relationship. Science itself should allegedly be subordinate to society, since it expresses societal and not its own or self-contained needs: "Any science you take grows from the needs of society... Nobody counts flies on the window or sparrows on the street, but cattle is counted" [9, p. 7].

Paradoxically, but in an attempt to formalize communicative advantages of the ethos of science [10, p. 267–278]⁵ using liberal argumentation (and thus to justify the autonomy of science from societal control),

³ In fact, only this freedom of oscillation between a ruler's observational perspective and a researcher's perspective explains in itself the mysterious constant oscillation of Machiavelli's views from the apology of arbitrary rule to the assertion of almost a theory of the division of authorities in *The Prince*.

⁴ "On the contrary, nowhere, except for research, a community manifests itself so deeply, a community that states should comprise?" [7; 8].

⁵ Merton's *ethos of science* mirrored negatively the normativity of the political community, and it can be presented as the following dilemmas: scientific rationality/political populism; horizontality and decentralization of scientific communication/centralized social control; scientific universalism of judgments/political participativity (patriotism, partisanship, etc.); organized scientific skepticism/politically inculcated ideology; communist

this dilemma of *liberalism/communitarianism* lost its definiteness altogether. The question arises as to what extent the norms of scientific communication proclaimed by Merton are antecedent or contingent.

Of course, science in its self-reflection formulates the claim to create an unseen foundation for social consensus and acceptance of its communicative propositions: they are universal, nonpartisan, adogmatic, and objective; they do not mask and often unmask personal and collective interests. Any request for contact on this foundation appears to be received without special risks. However, the question arises whether these setups should be the basic values of a liberal society in addition to the traditional values of freedom, justice, equality, and democracy.

In this case, the activity of researchers should have been subordinate to value-based limitations, *banning reflection and doubt* in the norms of scientific communication. What would the difference be in this case between science and the equally nonreflexive activity of other communities that are integrated using uncritically accepted norms and values? This scientific ethos, if only its real authority and importance is acknowledged, should have the same traditional importance for science, hence, value-based sacral importance. In this sense, all procedures of inclusion into the scientific community (defenses of dissertations, examinations, conferment of degrees and academic ranks, etc.) are little different in their rituality from traditional initiations that accompany all – so risky for the normative order of society – transitive states.

If the "ethos of science" is assumed as a gradual historical "sedimentation" (A. Schütz) of the cultural tradition of science as a social institution, then what is the difference between science and any other community with its own cultural (traditional historical and local) rules of life? This directly contradicts the idea of the priority of scientific observation and communication. How can science claim the universality and exemplarity of its existence if its own cultural identity is based on locality, contingency, and historicity?

Thus, the liberal argument in favor of the autonomy of and breach between society and science, ultimately only asserts the idea of scientific communitarianism: understanding science as a community amid other equal communities. Even acclaimed Merton's "organized skepticism" can, in this sense, be understood as a local historical value that cannot predetermine the life of other communicatively self-contained communities, since in this case the very idea of their autonomy as the foundation of liberalism is leveled off.

Moreover, internal contradictions within the *axioms of scientific ethos* themselves have emerged, primarily, between the norm of anti-dogmatism and organized skepticism, on the one hand, and the norm of objectivity (authenticity) of scientific observation, in particular, the authenticity of the very ethos of science, on the other. For this very claim of a better vision and understanding, which science offers to society, is definitively dogmatic and ideologic, since it is a priori removed from the criticism of science. Then it is necessary to consider this "ethos" as a genuine ideology and dogma.

Popper, as is known, proposed to eliminate dogmatism in scientific research, preserving all scientifically relevant procedures of translating truth by falsifying them (by *modus tollens*). However, if the "propose risky hypotheses" and "falsify established truths" requirements were included into the system of universal imperatives, this would undermine the whole sought-for foundation of social consensus, including both Merton's *ethos of science* itself and, more broadly, all fundamental values of liberalism: freedom, equality, democracy, and justice.

Thus, the idea of scientific communication as a standard for other communities ran into paradoxes.

First, the attempt to highlight science as a model community of skeptics, independent of the rest of society, which, in this sense, would carry out observations objectively and anti-dogmatically, required the creation of a normative register of requirements, or an "ethos," which in this function would transform itself into an ideology and dogma, taboos skeptical and anti-dogmatic interpretations of its own provisions. This would turn the liberal understanding of science into its opposite – communitarianism.

Second, the requirement of "organized skepticism" and universal falsification as a method of scientific observation cannot serve social consensus because it relativizes any foundation of the social order and, in this sense, turns science into a *socially destabilizing element*.

It is possible to resolve these paradoxes? And thereby to save such claims of veracity that could simultaneously serve as the foundation of consensus for the remaining communities? Or, formulated differently: is the scientist's best cognitive and observational ability compatible with his claim for moral righteousness in matters of social structure?

Our thesis is that Popper's and Merton's paradoxes can be resolved using the systemic-communicative approach to find a binary (i.e., simultaneously both normative and cognitive) setup as a standardized reaction to corresponding communicative failures or problems (disappointments in the normative order)⁶.

distribution of research results/political guarantee of private ownership of material goods; pluralistic (unassignable) scientific reputation/political authoritarianism (the authority of those appointed to positions) [10, p. 267–278].

⁶ A *cognitive* setup requires that the norm be changed if a circumstance refutes it. A *normative* setup requires that reality be changed, customized to the norm, and thereby restore the importance of this norm. (The Hegelian "so much the worse for the facts" is a typical expression of a normative setup.)

Such communications, on the one hand, would belong to the scientific communicative system, in a sense that they would be oriented toward corresponding programs (which we understand as methodological and theoretical requirements of science).

On the other hand, they would be bound to "*go beyond the limits*" of the scientific system under certain conditions and react *effectively* (and not only meditate) to scientific (and other – political, economic) problems and events in terms of *normative* expectations, i.e., proceed not only from self-limitations (the above "ethos," mediascientific communications, etc.) but also consider a broader general societal perspective and view the actual conditions of the existence of science in terms of *restoring* the disturbed (corrupt) normative order.

In particular, such a communicative system should require improvement in research funding not so much in terms of science (since this does not predetermine the veracity or falsehood of scientific proposals – the key internal self-limitation of scientific communication) but would proceed from society's external need for science, as a condition for societal reproduction.

In other words, there should exist a form of sociality or communication that would simultaneously (or alternately) concentrate around standard scientific topics as well (would stylize itself as generally valid emotions of the objective reality and would express a cognitive setup); would appear as civil activism, like political activity; would represent a bond of real actions; and would express a normative setup.

In our opinion, the domestic situation, the conditions of underfunding of and even apathy to science in society and politics allow a slant in this communication toward more rigid criticism of other systems and less self-critical reflection of science.

In a standard situation, such radical criticism and activism should have largely been aimed at science itself, demanding that science democratize its institutions, liberalize the rules of membership and inclusion, pay attention to the social relevance of scientific achievements and their risks, etc.

However, we must admit that the sought-for cognitive-normative binarity is manifested by a special Russian phenomenon, a unique *protest movement*, which is objectively crystallizing around the theme of scientific research underfunding, i.e., more outer-referentially than self-referentially, while the criticism of external-to-science communicative systems dominates over the criticism of its own scientific institutions.

To this end, it would be important to get an answer to the question how strong this or that type of the protest movement in science has differentiated itself from the traditional types of communication (and correspondingly, from the types of social observation) within large communicative systems. Here we have to admit that such an *intermediate* communicative system of *scientific protest* has not differentiated itself definitively and has not created a symbolic binary code for itself (like the symbolic media code of *money* for the economy, the media code of *authority* for politics,

the media code of *faith* for religion, the media code of *love* for the system of intimate communications, and that of *beauty* for art). The topic of *underfunding* is too local and contingent to become a generalizing symbol of protest communication in science.

Therefore, the scientific protest either uses *moralizations* (the media code of "justice") [11] or acts as a "support" for other systems of communication (e.g., for a political system as opposition).

Theoretically, protest can for a while stay within *interactions*: the private communication of protesters alarmed by structural consequences of societal inattention to the needs of science; it does not need to use media instruments: publications, the mass media, the Internet, and social networks. Protest can take more advanced communicative forms, for example, as *organizations*. It, however, can utilize traditional communicative *grand systems*: the mass media, politics, and the economy). All these opportunities, we think, have been used in Russia as corresponding protest institutions. Proceeding from this theoretical background, we, in view of the Russian reality, can distinguish the following types of scientific activism.

First, we are speaking about an *interactive* type of movement, to which we can primarily refer the *Society of Scientific Workers*, devoid of rigid organizational structures. Second, a rigid and very conservative type of protest movements, *organizationally* bound by membership rules, can also be referred to this movement with reservations. The *trade unions of RAS organizations* and other scientific and educational establishments are referred to it. Finally, the most advanced form of radicalism in science is system-integrated forms of protest, primarily, at the mass-media communicative *grand system* level (television, Internet broadcasting, newspapers), to which we may refer the newspaper *Troitsky variant*, and finally, the *social-network type of scientific protest* – the *Dissernet* community.

The Society of Scientific Workers (SSW) is an organizationally nonformalized type of social movement that mostly corresponds to the true nature of "protest movements." This means that it is not limited to a charter and membership rules, which predetermine the life in a *specific organization*. Therefore, participants in the society do not fear sanctions from their comrades-in-arms either for excessive radicalism or for moderation and conciliation.

Despite the "looseness" and ambiguity of participation conditions, such structures in the present-day conditions are more stable to discords and breaks. This "macrolocalization" allows focusing on a broad range of issues, the main point being the general social need for science, as well as internal issues of science organization and development. Correspondingly, the SSW declares the reasons for its association in terms that characterize moral media codes (justice, alienation, exploitation, etc.).

First of all, we are speaking about "*alienation of authority from scientific workers, unseen either in developed or in catching-up countries. The opinion of actively working scientists on science and scientific*

policy... is ignored. The leaders of scientific establishments and the rectorates of universities are often appointed by authority without coordination with the scientific and educational public... the unprecedentedly low one percent of the country's budget for science is used inefficiently... long-term projects and programs do not pass international and domestic scientific examinations, and open competitive procedures are not observed" [12].

Thus, the appeal to society and the requirements on the state combine two perspectives: internal cognitive and external normative. On the one hand, these are requirements on internal democratization toward science itself (the transparency of funding procedures, the adequate assessment of scientific achievements, and the elaboration of scientific reputation). However, on the other hand, political and economic requirements are formulated simultaneously (the criticism of inefficient budgetary expenditures and inefficient external management) proceeding from the external normative perspective of an observer-moralizer, who pinpoints a "defective" norm (primarily, of course, of a fair distribution) and demands to have it repaired.

In this sense, the SSW also expresses the self-referential properties of a meta-observer-scientist with his cognitive setup: the anticipation of the transformation of the social structures of science; simultaneously, however, he takes the outer referential position of an observer-activist.

The SSW activity should probably be analyzed in the context of the "structural-critical" approach to the investigation of protest [13]. At least the participants in protest themselves think that this activity reveals some structural dysfunctions of communicative macrosystems and associate them with their own deprivations, which act as sources of their activism. In addition, the disappointment in normative expectations (from the functioning of state and science institutions) requires that the disturbed order *be restored* but does not require structural changes in politics, the economy, and science itself: as is seen from the program citation, they see the archaism of contemporary scientific administration in the lack of rights for experts but not in structural dysfunctions of the very institution of expert evaluation, which obviously requires a substantial democratization. The *normative* orientation of this protest institution in this case, obviously, dominates the *cognitive* orientation in relation to both science and external-to-science institutions.

The SSW correspondingly declares the following goals and forms of activity: *"the monitoring of the condition and funding of research; the expert examination of scientific programs and projects; the struggle against pseudoscience and violations of scientific ethics; surveys among scientific workers on urgent problems; the preparation of proposals and appeals to the authorities of different levels and to society; the encouragement of talented youth in*

scientific career building; the involvement of nongovernment sponsor funds for the benefit of science and education; and the mediation of conflicts between scientists and administrations" [12].

These declared goals and forms of activism express the dualism of the cognitive-normative setup. On the one hand, it is obvious that this type of protest largely advocates the communicative autonomy of science. It demands transformations and, primarily, the negotiation of the functionally undifferentiated (and in this sense, archaic) structure of Russian society in general, where the economy, science, and policy depend on politics and politicians are motivated economically. This systemic dependence of science on excessive external and internal administration is the main topic that consolidates this type of protest communication.

On the other hand, strange as it may seem, this protest is also characterized by the opposite peculiarity. In fact, this autonomy is in a way assumed to be removed by introducing *intermediary institutions* between science and authority (the preparation of recommendations and expert examination for state bodies) and between science and the economy (engaging independent funding), activists proposing themselves to the role of this intermediary. In this context, of course, this type of protest must be referred not to the "structural-critical" but to the "resource-mobilizing" type.

Overall, this type of protest does not yet advance political demands, does not demand civil disobedience, not being ready to shift to "extralegal" forms, and even meetings and demonstrations are not its main argument in pushing its own protest topic.

The *RAS trade unions* represent the least radical and the most conservative type of scientific activism, its *organized* form, and in this sense, it can only conditionally be referred to institutions of scientific protest. The RAS trade union does not formally proclaim goals associated with the topic of protest, does not (in its normative documents – the charter and others) assess the current situation in science. The charter and the interindustry agreement regulate relations with employers, although situational protest actions in defense of science are weakly related to the charter goals of this organization. At the level of the charter and formal goals, there is no understanding that science should be defended as a social system of society and not only focus on the protection of economic and, in this sense, extrascientific interests of "workers of science."

At the level of real actions and situational declarations, we, nevertheless, see that the interests of science as an impersonal, social system are partly declared but are hardly accompanied by calls to participate in mass actions or other appeals to society. On rare occasions, when the possibility of communicative negotiation of the boundaries of the science system is formally proclaimed⁷, the actual

⁷ Thus, clause 2.2.20 of the Charter speaks about participation in the formation of social and

sociopolitical organizations and movements, as well as interaction with parties, international organizations,

interaction even with the "systemic opposition" tends to zero. At the time of writing this article, the latest document about such cooperation was dated 2011.

We reserve the third type of institutionalized protest in scientific communication for the most "advanced" communicative media of scientific activism. The Internet newspaper *Troitsky variant* can be referred to such media. The fact that this type of protest is structurally coupled with the mass-media system proves that the protest movement in science is actually localized at the general societal level (its macrosystems) and has already negotiated the boundaries not only of simple systems of interactions (face-to-face communications) but also of *organizationally* formalized communications. In this sense, this newspaper appeals to society as such and acts as an egalitarian system amid other grand systems (politics, the economy, education, etc.).

However, for all that, we do not find in this mass medium what is usually called «the *media concept*, the definition of its mission, the scope of topics, and reflection regarding its target group. Its participants, as its editor-in-chief Boris Shtern claims, deliberately reject the organizational "*type of administration, which, as is known, cannot exist for more than two months. It does not have a single staff member and a clear-cut distribution of responsibilities, briefings and a hardline policy. The editorial staff work mainly on principles of spontaneous self-organization of independent participants, who interact nonlinearly through the Internet*" [14].

What does this media project represent? Is it a temporary association to solve a specific protest objective or a community very indefinite in terms of time and subject matter?

Note that this is the only institution that explicitly formulates the protest topic (as a hashtag) and explicitly directs its invectives at the scientific establishment. The main targets of criticism are high-status people in the scientific community and officialdom. This type of scientific activism reflects most adequately what sociologists mean today by protest (new social movements). First of all, radical protest happily avoids burdensome forms such as an organization and localizes at the macrosystem level, i.e., society in general. This means that the protest movement can reckon practically on inexhaustible resources (social energy and time, crowdsourcing and fundraising), appeal to diverse communities but not to a parent donor organization (the state, the Ministry of Education and Science, the Federal Agency for Scientific Organizations, etc.).

Finally, the most radical type of protest movement in science is the Internet-based Dissernet community, identifying itself as a "free network community of experts, researchers, and reporters who dedicate their work to the exposure of swindlers, falsifiers, and liars" [15].

The first thing that strikes the eye is that the self-description of this system refers not to the scientific ethos as an internal systemic communicative landmark (Merton). On the contrary, a generalized value-oriented rationality is formulated to appeal to justice and not to the systemic media code of scientific truth (as a generalizing symbol of the search for new authentic knowledge), requiring only indirectly the functional independence of scientific communication.

All emotions concerning the observance of systemic normativity are uttered not from the perspective of the science system (in which *falsity* is, as is known, normalized and can be even considered a reflexive side of the *truth/falsity* distinction) but from the perspective of an observer in an *outside-of-science* position. Not *falsity* but *plagiarism* is the main problem and delimiter of such a delimitation-from-outside of scientific communication on the part of society. The Dissernet, in this sense, takes the position of society itself, as if concerned about the fact that its integral component, science, degrades and brings discredit on itself.

Here we come across an amazing requirement, when the boundaries of the communicative system are propped *not from within* (i.e., by the strength of the community of scientists who stand against external attempts to establish the thematic and methodological scope of research) but from without, on the part of *political* opposition forces, which, however, are compelled to use resources of scientific communication itself. Supposedly, this type of protest communication is rooted in the position of observation from the perspective of the *political system*. Here, politics (in the person of opposition) engages science and couples with it structurally to solve its own political tasks.

In this sense, the target of criticism gets significantly fuzzy, but the main invective remains aimed against "political and social activists who have attempted to improve their reputation and gain additional respect of fellow countrymen by defending dissertations and receiving official diplomas of candidate's and doctoral degrees" [15].

Thus, entering structural bonds with science, this type of protest simultaneously adopts scientific autonomy and, consequently, infeasibility of uniting scientific and political communication. It is aimed against "utterances" stylized as a scientific discourse (as research works and dissertations of politicians and functionaries) and thereby makes impossible the justification of political authority (in the worst case, authoritarianism) through references to the scientific reputation of politicians.

Despite the radicalism of this activism, here, no doubt, the *normative* setup is implemented to a larger extent and as a certain final goal. Such a normative goal is the restoration of "shattered justice" (as "incorrect borrowings") given that cognitive resources and setups of scientists themselves are used as means toward this end (through analysis of the texts of dissertations). This

is primarily manifested in the requirements that the order and procedures of awarding scientific degrees and titles be changed (and not restored).

Conclusions

Thus, the presence of several types of the newly forming protest movement, crystalizing around topics of autonomy and protection of the interests and prospects of the scientific system, proves our thesis that a type of communication that is simultaneously oriented toward cognitive, as well as normative, setup in observing reality is at least possible.

We showed that this type of communication is reproduced relatively stably and can qualify for the status of an emerging communicative macrosystem. This circumstance can be characterized as a practical solution to the paradoxes of Merton and Popper, who theoretically pointed at the incompatibility of two opposite assertions: on the one hand, to be the best observer or institution of cognition, and on the other hand, to offer the best samples (values, norms) of social consensus and social order.

As a matter of fact, this article is also a contribution to this movement, since, on the one hand, it uses a scientific toolkit (systemic communicative methodology) to analyze a real theoretical problem, and on the other, it clarifies, justifies, and thereby sort of *legitimizes*, the importance of the new communicative system of social protest.

References

1. Nikiforov A.L. Chto dala chelovechestvu nauka Novogo vremeni [What did the science of modern times give to mankind], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Philosophy, sociology, political science, 2018. no. 2, pp. 179-188 (in Russian)
2. Kasavin I.T. Detstvo nauki proshlo bezvozvratno [Childhood of science passed irrevocably] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series "Philosophy, sociology, political science, 2018, no. 2, pp. 188-193 (in Russian)
3. Wittgenstein L. Philosophical Investigation. Oxford: Oxford University Press, 1978, pp. 256-271.
4. Kasavin I.T. Kritika gruppovykh ubezhdeniy [Criticism of group beliefs] // Epistemology and Philosophy of Science, 2016, vol. 50, no. 4, pp. 63-73. (in Russian)

5. Barash R.E. Robert King Merton and Florian Znaniecki about "people of knowledge" and "people of action" [Robert King Merton i Florian Znanetskiy o «lyudyakh znaniya» i «lyudyakh deystviya»] // Epistemology and philosophy of science, 2013, vol. 37, no. 3, pp. 205-206. (In Russian)

6. Miller P.N. Peiresc's Europe. Learning and Virtue in the Seventeenth Century. Yale University Press, 2000, 234 p.

7. Schleiermacher F. Nechayannyye mysli o dukhe nemetskogo universiteta [Unwanted thoughts about the spirit of the German university], Epistemology and the philosophy of science. 2018, no. 1, pp. 215-235 (in Russian)

8. Antonovskiy A.Yu. Sotsial'naya filosofiya nauki. Nemetskaya versiya [Social philosophy of science. German version], Epistemology and Philosophy of Science, 2018, no. 1, pp. 204-214 (In Russian)

9. Bukharin N.I. Teoriya istoricheskogo materializma [The theory of historical materialism]. M. L. Gos. publishing house, 1928, 390 p. (In Russian)

10. Merton R.K. The sociology of science: Theoretical and empirical investigations. University of Chicago press, 1973, pp. 267-278.

11. Sztompka P. Spravedlivost' [Justice] // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2017, №6, pp. 381—399 (in Russian).

12. Deklaratsiya o sozdanii mezhregional'nogo obshchestva nauchnykh rabotnikov [Declaration on the establishment of an interregional society of scientists], 2012. URL: <http://onr-russia.ru/node/3> (Accessed 6 March 2019) (In Russian)

13. Antonovskiy A.Yu., Barash R.E. Sistemno-kommunikativnyye issledovaniya sotsial'nykh dvizheniy [System-communicative research of social movements], Filosofskiy zhurnal, 2018, no. 2, pp. 91-105 (In Russian)

14. Dissernet (2019) Electronic Resources: finding resources by subject [Online], Retrieved from: <https://www.dissernet.org/about/> (Accessed 6 March 2019)

15. Shtern B. 10 faktov-o-trv-nauka [Ten facts about the TrV- Science], 2012, URL: <https://trv-science.ru/2012/03/27/10-faktov-o-trv-nauka/> (Accessed 6 March 2019) (In Russian)

Рахметова Р.У

д.э.н., профессор,

Иргебаева Н.М.

к.п.н., доцент

Андекина Р.Э.

PhD,

Университет Туран-Астана, Казахстан

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙ ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ В КАЗАХСТАНЕ

Rakhmetova R.U. – d.e.s., professor

Irgebayeva N.M. – c.p.s., docent

Andekina R.E. – PhD

Turan-Astana University, Kazakhstan

DEMOGRAPHIC MOTIVATION OF FAMILIES WITH CHILDREN IN KAZAKHSTAN

Аннотация. Данная статья рассматривает вопросы стимулирования семей имеющих детей. Для анализа эффективности государственных мер поддержки семей, имеющих детей был проведен опрос респондентов и выявлена зависимость репродуктивных установок и мотивов от социально-экономических факторов.

Abstract. This article examines the issues of stimulating families with children. To analyze the effectiveness of government support measures for families with children, a survey of respondents was conducted and the dependence of reproductive attitudes and motives on socio-economic factors was revealed.

Ключевые слова: стимулирование, дети, молодая семья, жилье.

Key words: stimulation, children, young family, housing.

Мерой демографического стимулирования семей, имеющих детей, является комплексная поддержка и гарантии от государства. Эффективность мер государственной поддержки является стимуляционным фактором, способствующим естественному приросту населения страны и улучшению демографической ситуации. В настоящее время в Казахстане выстроена комплексная модель поддержки семей с детьми. В стране предусмотрена система государственных пособий, социальных выплат, мер по содействию занятости и льготы по налогообложению. Социальная поддержка оказывается пяти категориям семей. Кроме, выплат, о которых было сказано выше, предусмотрены выплаты также многодетным семьям, семьям имеющих детей инвалидов, семьям

потерявших кормильца и взявшим детей под опеку или попечительство.

Для анализа эффективности государственных мер поддержки семей, имеющих детей респондентам был задан вопрос: «На Ваш взгляд является ли достаточной объем государственной помощи семье в нашей стране?». Данные исследования показывают, что государственные меры поддержки семей, имеющих детей нельзя считать эффективными. Так, более 50% респондентов на заданный вопрос дали отрицательный ответ «Нет» и только 15,5% ответили «Да». О том, что государство готово поддержать нуждающихся согласны менее 10% из числа принявших участие в опросе. О том, что государственные программы работают неправильно заявили 17,4% (таблица 1).

Таблица 1

Опрос о господдержке семьи государством

№	Вопросы	Варианты ответов	41-60 лет
1	На Ваш взгляд является ли достаточной объем государственной помощи семье в нашей стране?	Да	15,5
		Нет	51,6
		Государство всегда готово поддержать нуждающихся	7,9
		Существуют разные программы, но они работают неправильно	17,4
		Д) другое	7,5

Следует отметить, что одной из важнейших составляющих социальной политики в поддержку института семьи, проводимой в нашей стране, является система социальной помощи женщинам и семьям имеющих детей. Так, в рамках государственной политики разработаны и

утверждены ряд законодательных документов и нормативных актов Республики Казахстан направленных на государственную социальную поддержку и соблюдение государственных, минимальных, социальных стандартов,

направленных на улучшение жизни отвечающих международным требованиям. Среди них, Законы:

- ✓ «О государственных пособиях семьям, имеющих детей»;
- ✓ «О государственной и адресной социальной помощи»,
- ✓ «О социальной защите инвалидов в Республике Казахстан»;
- ✓ «О социальной и медико-педагогической коррекционной поддержке детей с ограниченными возможностями»;
- ✓ «Об обязательном социальном страховании».

Однако, как показывают результаты опроса, государственная помощь, оказываемая семьям имеющих детей считаются недостаточным. Можно предположить, что это связано с рядом причин, среди которых можно выделить жилищные проблемы, невысокие доходы, дороговизной необходимых для ребенка вещей и др. Недовольство вызывают и отмена некоторых государственных выплат. К примеру, многодетные семьи 1 января 2018 года лишились ежемесячного пособия в 10 тыс. тенге (те семьи, которые оформили эти пособия до 2018 г. продолжают ее получать). Данное решение принято с целью «укрепления экономической самостоятельности и личной мотивации граждан для выхода из трудной жизненной ситуации» [1].

Проведенное в 2018 г. глубинное интервью показало, что в целом, опрошенные согласны с тем, что есть поддержка со стороны государства. Однако его размер «смешон» особенно в нынешней ситуации», так как стоимость детских вещей, питания, игрушек, медицинских услуг требуют значительных материальных затрат. Также экспертами было выявлено, что пособия, выделяемые на ребенка, используются семьями для покупки угля, продуктов питания [2]. По этим данным, можно предположить, что в обществе формируется иждивенческая позиция, когда получение пособий предпочтительно получению заработной платы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для формирования эффективной социальной политики необходимо изучение проблем само обеспечения семей и их готовности собственными силами повышать свое материальное благосостояние.

По мнению российского исследователя А.И. Лященко, «социальная защищенность каждого человека, семьи может быть достигнута благодаря, прежде всего, государственным формам социальной защиты и помощи, которые должны быть направлены в сторону создания условий для развития семьи, ее само обеспечения, а не формирования иждивенческой позиции» [3].

Среди основных направлений социально-экономического преобразования Казахстана следует выделить реформирование, модернизация и развитие жилищной сферы. Состояние жилищного фонда, степень доступности жилья -

это прежде всего показатель социально-экономической устойчивости государства и индикатор качества жизни населения страны. Улучшение жилищных условий это один из основных условий повышения благосостояния граждан и отражение экономической стабильности государства, поэтому требует непосредственного участия самого государства.

В настоящее время в Казахстане вопросы улучшения жилищных условий относятся к разряду наиболее острых. Следует отметить, что жилищное строительство является одним из приоритетных направлений стратегии развития страны до 2030 года. За период независимости регулярно принимались различные программы жилищного строительства. Среди них, Государственная программа развития жилищного строительства на 2005-2007 годы, Государственная программа развития жилищного строительства на 2008-2010 годы, Программа по развитию строительной индустрии и производства строительных материалов Республики Казахстана на 2011 – 2014 годы, Программа «Доступное жилье - 2020», Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2015-2019 годы и Программы развития регионов до 2020 года. В 2019 году. В 2018 г. была принята Программа ипотечного жилищного кредитования «7-20-25». Однако, несмотря на такое большое количество государственных программ направленных на решение жилищных проблем казахстанцев, жилищный вопрос остается одним из наиболее главных социально-экономических проблем современного Казахстана. Особенно остро этот вопрос встает в городах.

На панельной сессии XI Астанинского экономического форума (АЭФ – 2018) «Городские рейтинги качества жизни в Казахстане» было отмечено, что «существующие программы инвестирования, были немножко краткосрочными. У них разные стратегии, направления и цели. Это не всегда эффективно» [4]. Для эффективности проводимой жилищной политики Экспертами жилищного хозяйства и землепользования европейской экономической комиссии (ЕЭК) было предложено создать национальный план развития жилищного хозяйства до 2030 года [5]. По их мнению, такая программа соответствовала национальным целям устойчивого развития.

А в настоящее время, есть большая потребность в улучшении жилищных условий, приобретении собственного жилья не только молодыми семьями, но более взрослой части населения страны. Жилищный вопрос напрямую связан с решением социально-демографических проблем и вопросов социального развития нашего общества. Отсутствие нормальных жилищных условий влечет за собой снижение рождаемости, ослабление института семьи и в целом отрицательно сказывается на благополучии жизни жителей нашей страны.

Согласно полученным данным на вопрос: «Как Вы оцениваете свои жилищные условия?». Более половины респондентов 55,7% отметили, что живут в собственном доме. Не имеют собственного жилья около 40%. Это сумма ответов тех, кто живет с родителями (16,5%), снимающих жилье (16,1%), живущих у родственников (3,3%) и проживающих в общежитии (6%). Совсем незначительное количество 3% по семьям, которых жильем обеспечило государство.

О том, что приобретение жилья стоит на первом месте, свидетельствуют ответы на вопрос: «Что важно для Вашей семьи в первую очередь?» По степени убывания:

- 1 место – приобретение жилья (32,3%);
- 2 место – родить ребенка (28,3%);
- 3 место – купить мебель, машину, бытовую технику (17,5%);
- 4 место – сделать карьеру – (15,8%).

Самый низкий показатель (6,1%) приходится на развлечения и путешествия.

Жилищные предпочтения респондентов выглядят следующим образом. Так, более 40% хотят жить отдельно. Им не нравится жить вместе с родителями. Более четверти (27,4%) указали на то, что им нравится жить с родителями и 29,8% готовы жить с родителями, если это будет необходимо. Таким образом, более 70% респондентов желают иметь собственную жилплощадь и вести самостоятельную жизнь.

Для выявления факторов, влияющих на уменьшение количества детей в семьях, респондентам в возрасте от 41 до 50 лет было предложено ответить на вопрос: «В Казахстане, какие факторы влияют на уменьшение количества детей среди молодых семей?» Респонденты могли выбрать три варианта ответа, из предложенных восьми вариантов. Результаты представлены по степени убывания.

Таблица 2

Факторы, влияющие на уменьшение количества детей

Место	Варианты ответов	Результаты, %
1	Низкий уровень благосостояния народа	24,4
2	Низкий уровень здоровья женщин	15,5
3	Низкий социально-экономический уровень жизни на селе	15,0
4	Нехватка городского жилья	13,1
5	Отсутствие веры в будущее ваших детей	7,2
6	Желание строить карьеру среди женщин детородного возраста	7,1
7	Недоступность детских садов	5,8
8	Современное равноправие между мужчинами и женщинами	4,8

Как показывают данные, наиболее значимым фактором нежелания иметь много детей среди молодых семей являются:

- ✓ Низкий уровень благосостояния народа
- ✓ Низкий уровень здоровья женщин
- ✓ Низкий социально-экономический уровень жизни на селе

Нехватка городского жилья.

С целью выявления факторов, которые приводят к разводу, респондентам представляющим разные возрастные группы, было предложено ответить на вопрос: «Какие факторы приводят к разводу, на Ваш взгляд?». Среди основных причин, приводящих к разводу, по всем возрастным категориям была указана «финансовая проблема». Этот вариант ответа набрал самый высокий результат. От 26 до 30 лет – 32,6%, от 30 до 40 лет – 33,3%. В целом, 32,9%.

Анализ научной литературы по вопросам деторождения в разных странах показывает, что многие склоны относить причины снижения рождаемости с ухудшением социально-

экономической ситуации в стране, материальной необеспеченностью, плохими жилищными условиями, отсутствием развитой семейной инфраструктуры. Однако, исследования показывают, что чем выше уровень социально-экономического развития страны, тем больше семейных проблем возникает в обществе, а высокий уровень материального благосостояния не всегда способствует высокой рождаемости.

В заключении представителям возрастной категории от 51 до 60 лет было предложено назвать факторы, которые могут повлиять на процесс деторождения в нашей стране в будущем (таблица 3).

По данным таблицы видно, что на процесс деторождения в будущем повлияют такие факторы как:

- ✓ государственная поддержка многодетных семей;
- ✓ государственная поддержка молодой семье;

Факторы влияющие на процесс деторождения

Место	Варианты ответов	Результаты, %
1	Государственная поддержка многодетных семей	26,9
2	Государственная поддержка молодой семье	23,5
3	Мотивирование деторождаемости по примеру России и Саудовской Аравии через открытия специализированных депозитов	20,9
4	Улучшение социально-экономической ситуации на селе	14,3
5	Увеличение государственных детских садов	8,2
6	Через социальную рекламу в СМИ (идеология)	6,2

Таким образом можно сделать вывод о том, что семья является одним из фундаментальных институтов общества. Только наличие семей с детьми создают стабильность в обществе и способность восполнять население в каждом последующем поколении. Без развития семьи не может развиваться и общество. Поэтому состояние семьи является причиной и следствием происходящих процессов в современном обществе. Решение демографических проблем должно основываться на понимании того, что семья и рождаемость – это единство духовного и материального. Современному обществу необходимо понимание ценности семьи и многодетности. Государство должно вести пропаганду этих ценностей всеми доступными способами. Также необходима поддержка молодых семей через предоставление материальной помощи.

В заключении следует отметить, что 2019 г. объявлен Годом молодежи. Правительством намечены ряд программ для поддержки молодых семей. В настоящее время в регионах проводится работа в соответствии с проблемами в молодежной сфере. Молодым семьям будет оказываться адресная и информационная поддержка в приобретении жилья.

Также следует отметить, что в 2019 году запущена новая жилищная программа для многодетных семей. Многодетные семьи могут получить льготные кредиты на приобретение собственного жилья с длительным сроком выплат и невысокими процентными ставками по кредитам.

Успешная реализация принятых программ позволит улучшить жилищные условия казахстанцев, что может привести к улучшению демографических показателей, так как жилищные условия являются ведущим элементом экономических мотивов рождения детей.

Исследователями, занимающимися вопросами демографического роста, выявлена зависимость репродуктивных установок и мотивов от социально-экономических факторов. Среди факторов, влияющих на репродуктивную мотивацию, на первом месте стоят жилищные условия и материальная обеспеченность.

Таким образом, по результатам проведенного анализа можно сделать вывод о том, что мотивом рождения нескольких детей, доминирующую роль играют два фактора: жилищные условия и материальная обеспеченность. Данная статья выполнена по проекту №AP05134319/ГФ «Перспективы демографического развития регионов Казахстана в контексте «Мәңгілік ел»».

Использованная литература

1. //https://forbes.kz/life/observation/nujnyi_li_kazahstanu_mnogodetnyie_semi/.
2. //http://mysl.kazgazeta.kz/?p=5704
3. Ляшенко А.И. Организация и управление социальной работой в России. М., 1995. С. 26.
4. https://inbusiness.kz/ru/news/zhilishnye-programmy-v-kazahstane-slishkom-kratkosrochny.
5. https://inbusiness.kz/ru/news/zhilishnye-programmy-v-kazahstane-slishkom-kratkosrochny).

Sutyryna O. N.

Candidate of History, docent

Volga State University of Technology, Russia

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF ETHNO-CULTURAL FORUMS

Сутырина Ольга Николаевна

кандидат исторических наук,

доцент кафедры управления и права,

Поволжский государственный технологический университет, Россия

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ФОРУМОВ

Summary. One of the methods of checking the effectiveness of national policy implementation is sociological research. For the first time, the methodology of the Center for national and confessional studies of the Mari El Republic was used to assess the effectiveness of ethno-cultural events. This method formed the basis for determining the level, nature and trends of national consciousness and religious preferences of young people. The research was conducted both at the beginning and at the end of the Youth cultural and historical educational Forum

"KRAVETS": "CULTURE. RUSSIA: ACTIVITY-GREATNESS-UNITY-INTEGRITY " in 2014, 2015, 2016 of the forum, in order to determine its effectiveness. The results of sociological research are presented in this article.

Аннотация. Одним из методов проверки эффективности осуществления национальной политики являются социологические исследования. Впервые для оценки эффективности этнокультурных мероприятий использовалась методика Центра национальных и конфессиональных исследований Республики Марий Эл. Данная методика легла в основу определения уровня, характера и тенденции национального самосознания и конфессиональных предпочтений молодежи. Исследование проводилось как в начале, так и в конце Молодежного культурно-исторического образовательного Форума «КРАВЕЦ»: «КУЛЬТУРА. РОССИЯ: АКТИВНОСТЬ – ВЕЛИЧИЕ – ЕДИНСТВО – ЦЕЛОСТНОСТЬ» в 2014, 2015, 2016 годах Форума, с целью определения его эффективности. Результаты социологических исследований приведены в данной статье.

Keywords: youth forum, sociological research, Russian identity, national policy, national identity.

Ключевые слова: молодежный форум, социологическое исследование, российская идентичность, национальная политика, национальное самосознание.

Постановка проблемы. Россия – многонациональная страна с огромной территорией, где проживает 180 национальностей, каждый из которых имеет свою историю, традиции и обычаи. Однако глубокие общественные преобразования современной России показывают недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию общероссийской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения. Поэтому национальная политика в настоящее время стала одним из приоритетных направлений деятельности российского государства [1]. Особое место в исследовании существующих тенденций в сфере межнациональных отношений занимает мониторинг настроения молодежи [2]. Вместе с тем межнациональные отношения находятся в постоянной динамике. С одной стороны, в постсоветской России 1990-х годов проявились «кризис гражданской идентичности», «слабое общероссийское гражданское самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации» [3], что послужило в 2016 году основой для принятия нового доктринального документа с указанием показателя «увеличение уровня общероссийской гражданской идентичности (до 81 процента к 2025 году)» и оценкой доли «граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных (межэтнических) отношений, в общей численности граждан Российской Федерации» и «Уровень общероссийской гражданской идентичности» [4].

С другой стороны, наряду с передачей из поколения в поколение традиций, происходит усиление интеграции культур благодаря феномену переноса культур в результате «нового кочевничества». Это нередко снижает интерес к родному национальному языку. По данным социологических опросов актуализируется проблема низкой национальной идентичности молодежи народа мари, как составной части общероссийского сообщества [5]. И это несмотря на достаточное количество мероприятий, проводимых как профильным Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, республиканских центров национальных культур, так и органами

муниципальной власти. В соответствии с целевыми показателями «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013-2020 гг.» реализация программы оценивается по данным социологических опросов с простой количественной шкалой «доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем числе жителей Республики Марий Эл; доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, в общем числе жителей Республики Марий Эл; уровень толерантного отношения к представителям другой национальности» [6]. В связи с этим возникает исследовательский вопрос о соотношении количественных и качественных параметров оценки проведенных молодежных мероприятий по этнокультурной тематике.

Анализ последних исследований и публикаций показал, что эффективность проведенных мероприятий российскими исследователями оценивается по трем направлениям: 1) экономическая (разница между денежным доходом от деятельности и денежными расходами на проведение мероприятия); 2) социально-экономический эффект (положительное влияние на экономику, качество жизни населения); 3) мультипликативный эффект (стимулирование развития данной сферы, повышение имиджа и престижа как организатора мероприятия, так и региона, где мероприятие проходит) [7]. Причем, главным образом, речь идет или о конгрессно-выставочной деятельности, или о в целом об этнокультурной политике региона [8].

Выделение нерешенных ранее частей проблемы показал, что эффективность молодежных этнокультурных форумов как инструментов реализации национальной политики изучена не достаточно.

Цель статьи заключается в представлении методики проведенного социологического опроса для оценки эффективности проведения этнокультурного молодежного форума в свете ключевых показателей реализации программы национальной политики.

Изложение основного материала.

В качестве апробации одного из инструментов реализации государственной национальной политики Республики Марий Эл является

внедренный в практику проект «Молодёжный культурно-исторический образовательный Форум «КРАВЕЦ» (КУЛЬТУРА. РОССИЯ: АКТИВНОСТЬ - ВЕЛИЧИЕ - ЕДИНСТВО – ЦЕЛОСТНОСТЬ) (далее – Форум) [9].

Данный проект является одним из финансируемых проектов Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, который проводится с 2014 года 5 лет подряд. С 2017 года проект получил поддержку Фонда Президентских грантов для социально ориентированных НКО. Цель проекта - концентрация усилий по раскрытию потенциала российской провинции с созданием условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи Горномарийского и Килемарского районов Республики Марий Эл, Васильсурского района Нижегородской области, Ядринского района Республики Чувашия. Участниками форума были учащиеся средних общеобразовательных учреждений.

Методика Центра национальных и конфессиональных исследований Республики Марий Эл легла в основу определения уровня, характера и тенденции национального

самосознания и конфессиональных предпочтений молодежи [10]. Исследование проводилось как в начале, так и в конце Форума, с целью определения его эффективности. Результаты социологических исследований показаны в таблицах. Методы научного исследования проекта были использованы при входной и заключительной этносоциологической диагностике.

В 2014 году к концу Форума увеличилось, а в 2016 году уменьшилось определение себя как «Россиянин», в 2015 году к окончанию мероприятия данное определение стало популярнее, как и «Гражданин мира». Однако во все годы у участников появилось желание больше всего называть себя «Гражданином России». В конце Форума язык, как главный признак определения национальности, снизился, но в 2015, 2016 году в конце увеличился. За все три года проведения Форума увеличилась принадлежность к определенной национальности (табл. 1). Из всего количества участников они в первую очередь определяют самого себя как «мари» и как «Гражданин России», но можно заметить, что к концу Форума увеличилось определение себя как «Гражданина России».

Таблица 1

Ответы на вопросы о национальном самоопределении, %

Варианты ответов	2014		2015		2016	
	Начало	Окончание	Начало	Окончание	Начало	Окончание
«Кем Вы чувствуете себя в наибольшей мере?»						
Гражданин мира	13	11	14	21	19	24
Россиянин	50	54	60	64	44	36
«Мариэлец»	30	22	13	6	21	16
Русский, татарин или мари	8	17	13	9	16	24
«Как можно назвать жителей России, чтобы это способствовало осознанию себя единым народом?»						
Гражданин России	68	73	59	64	64	58
Русский	8	15	15		10	12
Россиянин	23	12	18,5	33	20	23
Никак (не нужно навязывать определение)	0	0	2	3	2	1
Затрудняюсь ответить	3	0	5,5	0	4	6
«По какому главному признаку Вы относите себя к определенной национальности?»						
Родной язык	73	57	50	64	37	48
Национальность одного из родителей	10	11	13	9	22	15
Вероисповедание	0	4	7	12	5	5
Национальные традиции	5	9	7	3	15	15
Территория проживания	3	13	10	3	12	10
Собственные ощущения	10	2	13	9	9	8
«Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какой-либо национальности?»						
Да, чувствую принадлежность к определенной национальности	87	91	27	48	59	66
Чувствую свою принадлежность сразу к нескольким национальностям	3	3	54	32	23	24
Нет, не чувствую себя принадлежащим ни к какой определенной национальности	11	6	19	20	18	10

В 2014, 2015 г. к концу Форума участники стали меньше обращать внимание на национальность окружающих. В 2016 г. к концу Форума акцент усилился на случаях в конфликтных ситуациях. В 2014, 2015 г. к концу Форума уменьшилось желание иметь графу

«национальность» в паспорте, зато увеличилось относящихся нейтрально к данному вопросу. В 2014, 2015 годы увеличилось количество участников, согласных при любых обстоятельствах жить в другой стране. В 2016 г. увеличилось количество участников, согласных жить в другой

стране, если будет помощь в адаптации. гражданином другой страны, а в 2015, 2016 годы Проектный вопрос показал, что увеличилась уменьшилась доля участников Форума, доля участников Форума, желающих быть равнодушных к данному вопросу (табл. 2).

Таблица 2

Ответы на проверочные вопросы, %

Варианты ответов	2014		2015		2016	
	Начало	Окончание	Начало	Окончание	Начало	Окончание
«Обращаете ли Вы внимание на национальность окружающих?»						
Обычно не обращаю	80	73	90	88	81	81
Обращаю в конфликтных ситуациях	5	12	4	6	5	7
Обращаю в любом случае	15	15	6	6	10	10
Другое (иногда, беру на заметку; обращаю, так как интересуюсь культурой другого народа)					4	2
«Как Вы относитесь к исключению из нового российского паспорта графы «национальность?»						
Положительно	44	27	41	38	30	28
Отрицательно	5	9	6	9	6	3
Нейтрально	51	64	53	53	64	69
«Вам предложили переехать в другую страну на постоянное место жительства, гарантируя работу по специальности. Согласились бы Вы?»						
Да, при любых обстоятельствах	13	29	17	35	17	17
Да, если будет помощь в адаптации в стране	58	46	56	42	47	53
Нет	25	22	23	19	27	24
Другое - (да, если бы меня устраивала общее положение обстоятельств)	5	2,4	4	3	9	6
«Представьте, что Вы родились гражданином другой страны. Были бы Вы довольны?»						
Да	40	43	28,5	39	25	24
Нет	40	28,5	26,5	32	33	30
Мне все равно	20	28,5	45	29	42	46

В 2014, 2016 гг. почти половине опрошенных безразлично, какая национальность у коллег, но также для большинства было бы комфортно работать в однонациональном коллективе, а в 2015 году для большинства комфортно работать в многонациональном коллективе. В 2014 году ответы распределились почти поровну, как в начале, так и в конце Форума, а в 2015 году участники форума предпочли жить в

многонациональном городе. В 2016 г. большинству участников форума безразлично в каком городе жить. В 2014 году большинство бы хотели жить в мононациональном доме, а в 2015 году уменьшилось желающих жить в многонациональном доме. В 2016 г. в конце Форума уменьшилось количество равнодушных, которые готовы к совместному проживанию с другими национальностями в одном доме (табл. 3).

Таблица 3

Ответы на вопросы «этнических предпочтений», %

Варианты ответов	2014		2015		2016	
	Начало	Окончание	Начало	Окончание	Начало	Окончание
«Мне комфортно в трудовом коллективе» (2014 г.), «Если бы можно было выбирать коллективов для совместной работы, по какой бы Вы предпочли?», % (2015, 2016 г.)						
Однонациональном	39	44	13	17	14	15
Многонациональном	10	9	36	41	44	33
Безразлично	49	41	42	32	36	48
Затрудняюсь ответить	2	6	9	10	6	4
«Предпочли бы Вы, чтобы в Вашем городе жили люди только Вашей национальности?»						
Да	32	29	14	21	16	26
Нет	35	27	48	38	36	26
Мне все равно	32	44	38	41	48	48
«Предпочли ли Вы, чтобы в Вашем доме жили люди только Вашей национальности?» (2015 г.)						
Да	49	53	43	31	24	28
Да	18	27	23	31	19	26
Мне все равно	44	20	34	37	57	46

В конце Форумов оставались представители одной национальности (мари), другие регионы

уезжали, поэтому 100% ответ дан в 2014 году, но в 2015 году к концу форума представители разных

национальностей подружились, обозначилась положительная динамика ка ответов. В 2016 г. увеличилось число незнающих национальность своих друзей. Большинство опрошенных одобрило бы вступление в брак близкого родственника с представителем другой национальности, но в 2015, 2016 году большинство опрошенных не одобрило бы вступление в брак близкого родственника с представителем другой национальности. В 2014 г. большинство опрошенных редко испытывали затруднения при общении с людьми других национальностей в своем коллективе. В 2016 г., так как форум был уже многонациональный, увеличилось количество участников, которые испытывают затруднения при общении с людьми других национальностей в своем коллективе. В 2014-2015 годах как в начале, так и в конце форума участники отметили, что межнациональному общению помогает знание языка, а в 2016 г. - стремление к диалогу.

В 2014 году большинство участников хотели ли бы изучать основы православной культуры, это ещё подтверждает то, что в Горномарийском районе это самая распространенная религия. В окончании Форума 2015 году увеличилось количество участников, которые хотели ли бы изучать мировых религиозных культур, зато количество данных ответов увеличилось к концу

форума 2016 г. За все три года мнение респондентов о культуре человека почти не изменилось. Динамика знаний об истории семьи заметна только в 2015-2016 годы (табл. 4).

В конце форумов 2015 и 2016 гг. уменьшилось знание религиозных праздников (исключение – 2014 год). В 2014, 2015 гг. как в начале, так и в конце опроса больше всего ответили, что при посещении церкви ищут поддержку, а в 2016 г., что удовлетворяют любопытство. Стабильно большинство опрошенных, относящих себя к православной религии. В 2014 году высокий процент положительно относящихся к появлению культовых мест (начало - 87%, конец – 97%), 2015 (начало - 69%, конец – 67%), 2016 (начало – 70 %, конец – 71%). За все три года после окончания форума увеличилось мнение, что вероисповедание будущего мужа (жены) имеет значение. В 2014 г. у большинства опрошенных не было неприязни к представителям другой национальности. Также к окончанию Форума участники стали считать, что межнациональные отношения их удовлетворяют в учебном коллективе, в общественной и семейно-бытовой жизни. За все три года большинство считали желательным для жителей Марий Эл знать марийский язык, также к окончанию мероприятия стабильно увеличивалось количество желающих после учебы остаться в Республике Марий Эл.

Таблица 4

Ответы на вопросы, посвященные общекультурным ценностям, %

Варианты ответов	2014		2015		2016	
	Начало	Окончание	Начало	Окончание	Начало	Окончание
«Какой предмет школьного курса «Основы религиозных культур и светской этики» Вы бы выбрали для Ваших детей?»						
Основы православной культуры	74	72	68	39	64	47
Основы исламской культуры	0	0	0	6		8
Основы буддийской культуры	0	0	0	0	1	4
Основы мировых религиозных культур	15	11	18	39	19	27
Основы светской этики	10	17	14	16	16	14
«В чем, прежде всего, проявляется культура человека? Оцените каждую перечисленных ниже качеств, используя пятибалльную шкалу»						
Воспитанность, вежливость	15	13	14	14	13	15
Уважение к старшим	15	13	14	14	14	14
Порядочность, честность	14	12	13	14	13	11
Уважение к традициям своего народа	14	12	12	12	11	12
Религиозная культура	14	12	10	11	11	11
Знание мировой культуры	14	11	11	11	11	11
Терпимость к чужим взглядам	13	13	12	12	13	12
Уважение людей любой национальности, их обычаев и традиций	14	13	14	13	12	11
Другое					2	3
«Знаете ли Вы историю Вашей семьи, имена прадедов?»						
Да	37	37	44	53	42	49
Нет	2	2	8	8	10	5
Частично	61	61	48	39	60	31

В 2014 году в национальный состав форума входили мари (горные), русские, а в 2015 году на

форум приезжала делегация из Республики Чувашии на весь период (табл. 5).

Таблица 5

Ответы на вопрос «Национальность», %

Варианты ответов	2014		2015		2016	
	Начало	Окончание	Начало	Окончание	Начало	Окончание
мари	64	73	77	77	69	56
горномари	9	20	4	4	7	14
русский	5	3	12	12	20	23
чуваш	0	0	8	8	4	5
Россиянин						1
Православие						1

В 2016 году к концу форума появилось в строке национальность – россиянин и православие.

Выводы. Все вышеперечисленные результаты указывают на необходимость более глубокого изучения вопроса формирования общероссийской национальной идентичности молодежи в ходе проведения этнокультурных форумов. В качестве одного из возможных способов решения проблем незнания обычаев, языка и стереотипов, для преодоления межнациональных барьеров, возможна реализация подобных данному Форуму мероприятий.

Отметим, что такой инструмент, как Молодёжный культурно-исторический образовательный форум «КРАВЕЦ», укрепляет и гармонизирует межэтнические отношения в Республике Марий Эл. Стоит отметить, что как во многих регионах России, так и в Республике Марий Эл и в дальнейшем необходимо концентрировать усилия по раскрытию потенциала российской провинции, открытию широкого простора для творческой энергии, инициативы и активности городской и сельской молодежи.

Методика, приведенная в данной статье, показала необходимость корректировки образовательной программы форума, что и было сделано в последующие годы.

Список литературы

1. Зорин В. Ю. Национальная политика российского государства в XX - начале XXI века [Текст : Электронный ресурс] : учебное пособие / В. Ю. Зорин. - 2-е изд., испр. и доп. - Электрон. дан.col. - М. : Издательство Юрайт, 2018. - 251 с.
2. Рокина Г.В. Новые методические подходы в изучении национального самосознания и конфессиональных предпочтений: опыт социологического исследования / Г.В. Рокина, О.Н. Сутырина // Запад-Восток. – 2012. - № 4-5. – С.67-75.
3. Распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. №1292-р Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/70421160/> (Дата обращения: 01.12.2019).
4. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. №1532 «Об утверждении

государственной программы Российской Федерации «Реализация государственной национальной политики»» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/71580894/3ca54e5e9867dbc352057de45e62fcc7/#friends> (Дата обращения: 01.12.2019).

5. Орлова О.В. Этнокультурное образование в Республике Марий Эл / О.В. Орлова // I Упымарий лудмаш (I Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Йошкар-Ола, 26 апреля 2019 года). – Йошкар-Ола, 2019. - С. 355-368.

6. Государственная программа Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013-2020 годы» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://mincult12.ru/sites/default/files/doc/text.pdf3> (Дата обращения: 01.12.2019).

7. Северьянова Е. Методические рекомендации по оценке эффективности проведения конгрессно-выставочных мероприятий / Е. Северьянова - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/476/32232.php>. (Дата обращения: 01.09.2019).

8. Паникарова С.В. Подходы к оценке эффективности этнокультурной политики региона / С.В. Паникарова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. - 2010. - №20(77). – С. 64-69 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-otsenke-effektivnosti-etnokulturnoy-politiki-regiona> (Дата обращения: 02.11.2019).

9. Молодёжный культурно-исторический образовательный форум «КРАВЕЦ». - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://mar-arslan.ru/node/886>. (Дата обращения: 4.04.2015).

10. Сутырина О.Н., Куприянова Е.И. Взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений Республики Марий Эл по гармонизации межэтнических отношений среди молодежи // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет: Материалы конференции / Под общ. ред. В.П. Васильева. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 201-205.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Жулибой угли Ойбек

Докторант

Самаркандский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА В СФЕРЕ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА

Аннотация. Туризм может процветать только в том случае, если отрасль сможет использовать квалифицированный персонал или устойчивую рабочую силу, что является основой для хорошей и быстрой системы предоставления услуг. По этой причине, этот обзор сделан, чтобы дать обобщенную информацию о проблемах и возможностях трудоустройства в сфере туризма и гостеприимства.

Ключевые слова: *трудоустройства в сфере туризма, занятость, возможности трудоустройства, проблемы трудоустройства, туризм и гостеприимство*

Туризм является одной из крупнейших и быстрорастущих отраслей в мире. В 21-м веке мировая экономика определяется тремя основными отраслями, включая технологии, телекоммуникации и туризм [1]. Туризм является совокупностью видов деятельности, услуг и отраслей, которые обеспечивают опыт путешествия, включая достопримечательности, перевозки, проживание, питание и напитки в магазинах розничной торговли, развлекательные, деловые и другие услуги гостеприимства, предоставляемые для отдельных лиц или групп, путешествующих вдали от дома [2].

В своем ежегодном анализе количественной оценки влияния путешествий и туризма на глобальную экономику и занятости в 185 странах и 25 регионах, исследование Всемирного совета по туризму и путешествиям (WTTC) показывает, что на этот сектор приходится 10,4% мирового ВВП и 319 миллионов рабочих мест, или 10 % от общей занятости в 2018 году.[3]

Туризм является чрезвычайно трудоемким и важным источником занятости. Он является одним из лучших в мире создателей рабочих мест, требующих различной степени квалификации, и позволяет быстро получить доступ к рабочей силе для молодежи, женщин и трудящихся-мигрантов [4]. В некоторых странах вклад туризма в занятость является незаменимым; Например, Индия является вторым по величине генератором рабочих мест в сфере туризма - 25 миллионов рабочих мест [2]. В Узбекистане общий вклад туризма в ВВП составил 10 415,6 млрд. Сум (3,4% ВВП), и было более 380 000 рабочих мест в 2018 году (3,0% от общей занятости) [5].

Индустрия туризма и гостеприимства создает много возможностей для трудоустройства в различных областях, таких как жилье, транспорт, достопримечательности. Поэтому наличие квалифицированной и обученной рабочей силы является решающим элементом успеха любого плана или программы развития туризма, поэтому сотрудники являются неременным условием туристической индустрии. Однако ограничения занятости в туристической отрасли являются нестабильная занятость, низкий статус работы,

длительный антисоциальный рабочий день и низкая заработная плата. Непосредственными и наиболее очевидными последствиями такой ситуации являются трудности с набором подходящего персонала и высокая текучесть кадров, что дорого обходится успеху отрасли.

Действительно, меньше должного внимания уделяется работникам, работающим в сфере туризма и гостеприимства. Тем не менее, сотрудники являются сердцем хорошей и быстрой системы обслуживания. Таким образом, сотрудники, возможно, являются наиболее незаменимыми активами организации. Связь между человеческими ресурсами и туризмом может быть выражена в двух основных аспектах. Во-первых, туризм может процветать только в том случае, если отрасль сможет обеспечить достаточное количество качественного персонала или устойчивой рабочей силы. Другая проблема заключается в том, что отношение к сотрудникам со стороны как менеджеров, так и клиентов и наоборот должно соответствовать принципам социального равенства и справедливости. Не менее важно то, что качество впечатлений и изображений туристов в пункте назначения во многом зависит от профессионализма сотрудников. Таким образом, этот обзорный документ призван дать обобщенную информацию по вопросам возможностей и проблем трудоустройства в сфере туризма и гостеприимства.

Возможности трудоустройства в сфере туризма и гостеприимства

Возможности трудоустройства в сфере туризма и гостеприимства могут быть созданы прямо или косвенно. Прямые возможности трудоустройства - это общее количество рабочих мест, поддерживаемых непосредственно в сфере путешествий и туризма. Например, работа в отелях, ресторанах, туристических агентствах, бюро туристической информации, музеях, охраняемых территориях, таких как национальные парки, дворцы, религиозные объекты, памятники, самолеты, круизные линии, курорты или торговые точки, сувенирные магазины, фото услуги, экскурсии, сельские гостиницы и гостевые дома, местный транспорт (государственные авиалинии и

железные дороги, частные транспортные средства), гиды и повара.

Туризм и индустрия гостеприимства также поддерживают косвенную занятость в таких сферах деятельности, как поставщики ресторанов, строительные компании, которые строят и обслуживают туристические объекты, а также необходимую инфраструктуру, производителей самолетов, производителей различных изделий ручной работы, маркетинговые агентства, бухгалтерские услуги, которые более или менее зависят от компаний которые на прямую связаны с туризмом [6].

Экономическое влияние туризма измеряется с точки зрения его влияния на: доход, занятость,

инвестиции и развитие; и платежный баланс [7]. В трудоемкой отрасли, такой как туризм и индустрия гостеприимства, большая часть дохода, вероятно, будет получена из рабочих непосредственно обслуживающих потребности туристов, либо косвенно будет извлечена выгода из расходов туристов [8]. Доход будет высоким в туристических направлениях, которые привлекают большое количество посетителей; там, где продолжительность пребывания посетителей максимальна, расходы клиентов очень высоки при условии, что существует множество занятий для участия клиентов [9] (рисунок 1).

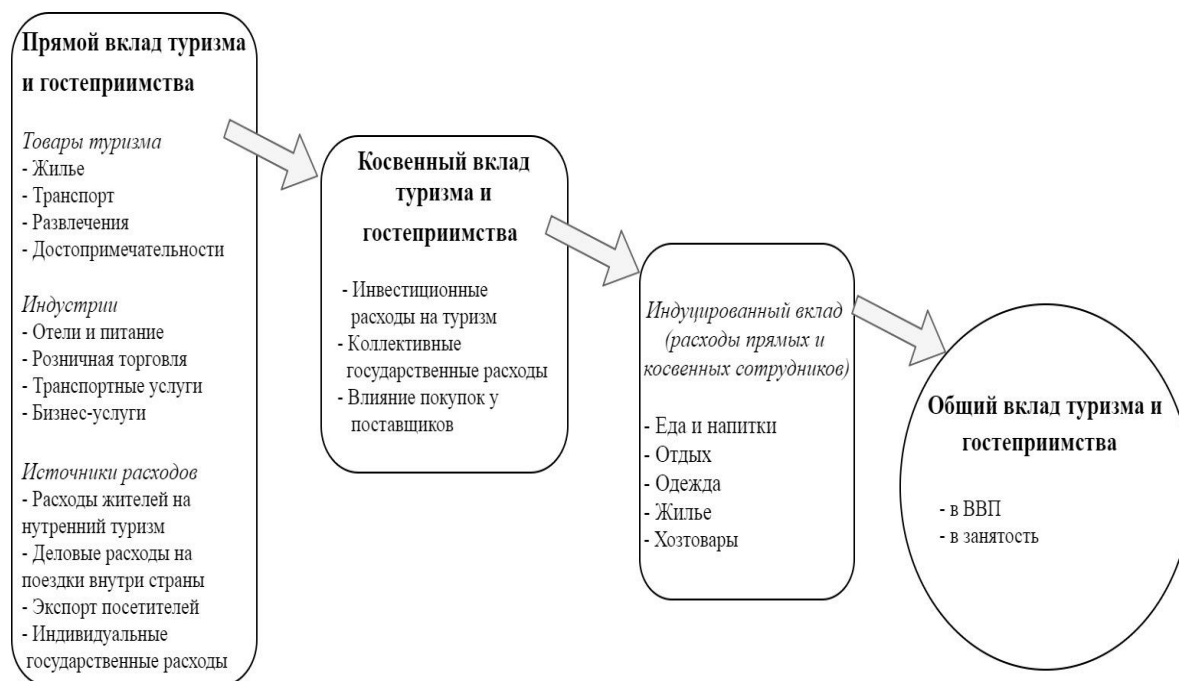

Рисунок 1. Прямой, косвенный и индукцированный вклад туризма и гостеприимства

Другими причинами, по которым возможности трудоустройства стали еще более разнообразными, являются растущее популярности туризма и международных поездок по всему миру и люди считают, что путешествия - это права человека; туристические направления очень беспокоятся, чтобы удовлетворить потребности и желания туристов и пытаются предлагать высокий уровень услуг; туристы имеют большой выбор отдыха; международные стандарты и система обеспечения качества устанавливаются национальными и международными туристическими и гостиничными организациями для обеспечения стандартизированного и качественного обслуживания клиентов, что обеспечивает устойчивое развитие в этих секторах; Постоянное снижение мировых цен на нефть также снижает стоимость проезда. Все вышеперечисленные случаи являются основными причинами увеличения числа туристов в туристских дестинациях. Поэтому для предоставления услуг туристам, требуется большое количество рабочей

силы. В связи с этим, индустрия туризма и гостеприимства с поддерживающими отраслями предоставляют разнообразные возможности трудоустройства.

Проблемы трудоустройства в сфере туризма и гостеприимства

Множественные результаты исследований выявили основные проблемы занятости в сфере туризма и гостеприимства, которые обсуждаются в следующих пунктах.

Неравное обращение: Не существует одинакового отношения ко всем типам работников. Например, по данным МОТ-ПРООН (Международная организация труда - Программа развития Организации Объединённых Наций), цитируемое Томасом [10] гендерное неравенство проявляется в секторе туризма. Женщины выполняют 66 процентов работы, производят 50 процентов продуктов питания, но получают 10 процентов дохода и владеют 1 процентом имущества. Такие обстоятельства существуют в связи с тем, что женщины имеют более низкий

доступ к земле, капиталу и образованию, чем мужчины. Женщины, как правило, работают на дому или на семейных предприятиях, не защищенных законом, и женщины сталкиваются с дискриминацией и перегрузкой работы на предприятиях и семейной жизни.

Согласно отчету ЮНВТО (Всемирная туристская организация) об оценке возможностей и проблем, с которыми сталкиваются женщины в сфере занятости в туризме, в 2011 году отмечалось, что неквалифицированные или полуквалифицированные женщины, как правило, работают на наиболее уязвимых местах, где они с большей вероятностью сталкиваются с плохими условиями труда, неравенством возможностей и обращения, насилием, эксплуатацией, стрессом и сексуальными домогательствами. В развивающихся странах дополнительные факторы, такие как низкий уровень образования и профессиональной подготовки, широко распространенная бедность, плохое материнское здоровье и отсутствие полового воспитания вместе с социально-культурными факторами, не позволяют женщинам стать экономическими субъектами. Предприятия могут располагаться на некотором расстоянии от жилых районов, особенно в более бедных странах и общинах, что накладывает расходы на поездку и растрату времени на женщин, которые часто имеют ограниченный доступ к финансовым ресурсам и ресурсам времени [11].

Другая проблема заключается в том, что женщины занимают более низкие уровни и профессии, в которых мало возможностей для карьерного роста, а мужчины занимают ключевые руководящие должности (Vargas, N.d). Женщины недостаточно представлены на руководящих и высших должностях. Например, женщины представляют только 32 процента руководителей компаний в странах ЕС, 10 процентов членов правления крупнейших компаний и 29 процентов ученых и инженеров по всей Европе [12].

Семейные обязанности и обязанности по уходу до сих пор не разделены поровну. Задача по уходу за зависимыми членами семьи в основном ложится на женщин. Гораздо больше женщин, чем мужчин, выбирают отпуск по уходу за ребенком. Этот факт, наряду с отсутствием средств для ухода за детьми и пожилыми людьми, означает, что женщины часто вынуждены уходить с рынка труда: уровень занятости для женщин с детьми-иждивенцами составляет всего 62,4 процента по сравнению с 91,4 процента для мужчин с детьми-иждивенцами [13]. Вергас также отметил, что, в отличие от других отраслей, занятость в гостиничном бизнесе и туризме, как правило, ориентирована на людей в возрасте до 35 лет. В Испании 43,4% работников этого сектора в возрасте 25-34 лет. Сварбрук подчеркнул, что работодатели часто отклоняют кандидатов-женщин старше определенного возраста (обычно 35 лет) и требуют фото женщин-кандидатов на работу. Индустрия туризма также

плохо справляется с трудоустройством и продвижением людей с ограниченными возможностями.

Плохая оплата и условия труда: в отчете Европейского фонда улучшения условий жизни и труда (Eurofound) говорится, что средняя ставка выплат в отелях и ресторанах низкая по сравнению со средней заработной платой почти во всех государствах-членах ЕС [14,15]. В общем, сектор туризма и гостеприимства характеризуется низкими почасовыми ставками оплаты, сверхурочной работой без дополнительных денег, продолжительным рабочим временем 50 часов в неделю, небольшими перерывами или отсутствием соответствующих перерывов в периоды пикового сезона.

Другими проблемами являются неподходящий стиль управления или корпоративная философия и стиль руководства, такие как незапланированный набор персонала, недостаточное внимание к текучести кадров, импортированная рабочая сила, учет персонала как стоимости, а не актива, жесткое лидерство, которое противоречит концепции демократии, неадекватные тренинги и многие монотонные задачи [14]. Причина в том, что занятость в туризме часто сталкивается с одним или несколькими из следующих факторов: сезонность (в некоторые месяцы года число туристов очень мало, так что секторы туризма и гостеприимства сокращают персонал. Очень хороший пример - туристы приезжают в Узбекистан в основном весной и осенью, а в остальные месяцы их количество значительно сокращается) неполный рабочий день и / или чрезмерное количество рабочих часов; Низкооплачиваемый (или неоплачиваемый) семейный труд; и неформальный или иногда нелегальный труд, где измерение заметно сложнее.

Кроме того, на возможности трудоустройства в сфере туризма и гостеприимства влияют различные сложные ситуации, с которыми сталкивается отрасль. Например, теракты происходят в разных туристических направлениях. Распространенность новых инфекционных заболеваний, таких как вирус Эбола и Зика; кризисы мировой экономики и технологический прогресс в секторах туризма и гостеприимства, таких как применение электронного бизнеса, электронного маркетинга и виртуального туризма. По этой причине многие отрасли туризма и гостеприимства теряют свой бизнес. Это основная причина того, что работодатели увольняют работников, что приводит к росту безработицы.

Выводы

Сегодня секторы туризма и гостеприимства являются передовыми секторами мировой экономики. Это улучшает платежный баланс, а также создание доходов и возможности трудоустройства. Последние данные показали, что туризм и путешествия создают в 2018 году более 319 миллионов рабочих мест и генерируют 10,4% мирового ВВП. Кроме того, туризм может также

способствовать социокультурному развитию людей, расширению прав и возможностей женщин и инвалидов путем создания благоприятных рабочих мест. В связи с этим как развитые, так и развивающиеся страны уделяют должное внимание созданию качественного персонала для качественного туризма и индустрии гостеприимства, чтобы сделать вклад в развитие экономики страны.

Основываясь на обзоре можно выявить, что индустрия туризма и гостеприимства создала множество возможностей трудоустройства для миллионов людей в мире в различных областях, таких как жилье, транспорт, общественное питание, туристические компании, природные и культурные достопримечательности, конференции и выставки. Политическая стабильность, сокращение рабочего времени, технологический прогресс, рост доходов и благоприятный климат являются основными благоприятными условиями для развития туристических и гостиничных предприятий для создания миллионов рабочих мест.

Несправедливое отношение к работникам мужчин и женщин; неподготовленная рабочая сила, плохие условия труда, сезонность в секторах, сексуальные домогательства и стресс; Высокие рабочие часы без оплаты сверхурочных, низкие заработные платы, и другие социально-культурные факторы могут быть отмечены как проблемы с условиями занятости в сфере туризма и гостеприимства.

Список литературы:

- Adeleke B/ Historical Development of Tourism. Ogun State, Redeemer's University Press. – 2005.
- Dayananda K/ Tourism and Employment: Opportunities and Challenges in Karnataka - Special Reference To Kodagu District. IOSR Journal of Humanities and Social Science (IOSR-JHSS) 19: 11. – 2014.

УДК: 336.647

ГРНТИ: 06.81

World Travel and Tourism Council: Travel & Tourism Economic Impact 2019 - March 2019.

International Labour Organization, Development and Challenges in Tourism and Hospitality Sector. Geneva, Switzerland. – 2010.

World Travel and Tourism Council - 2019 Annual Research: Key highlights (Uzbekistan). – 2019.

United Nations World Tourism Organization/ A report on the opportunities and challenges which face women with respect to employment in tourism (UNWTO: Global Report on Women in Tourism) – Madrid – 2010.

Yunis E / Tourism an engine for Employment Creation: The fifth UNWTO international conference on tourism statistics: tourism and employment: an overview by UNWTO. Bali, Indonesia, 30 march-2 April, 2009:

WTTC, Travel and Tourism Economic Impact. Geneva 22, Switzerland. – 2014.

Caribbean Hotel and Tourism Association (2011) Travel and Tourism's Economic Impact. – 2011.

Thomas B. / International perspectives on women and work in hotels, catering and tourism, Bureau for Gender Equality. International Labour Office. – 2013.

UNWTO (2011) Global Report on Women in Tourism 2010 – Madrid – 2011.

Aguilar L, Vargas M / Tourism: Gender makes a difference. IUCN–the World Conservation Union. – 2016.

International Labour Office, Sectoral Activities Department. – Geneva – 2013.

Griffin T, DeLacey T. / Green Globe: sustainability accreditation for tourism. In Sustainable Tourism: A Global Perspective. Harris R, Griffin T and Williams P. – 2002.

EU Hotel and Restaurant Sector / work and employment condition: European foundation for the improvement of living and working conditions – 2005.

Абдурахманов Саид Курамагомедович
студент

ФГБОУ ВО "Дагестанский Государственный Университет"
г. Махачкала, Россия

Гюльмагомедова Гюльзар Ахмедулаховна
к.э.н., доцент

ФГБОУ ВО "Дагестанский Государственный Университет"
г. Махачкала, Россия

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования финансовых ресурсов на предприятии. На основе приведенного сделан вывод о том, что формирование финансовых ресурсов и его источники полностью зависят от желания организации развивать и расширять свое производство. Мнение о том, брать или не брать кредиты в коммерческих банках сугубо личное у каждого, и мы не можем утверждать, что развитие организации за счет собственных оборотных средств имеет лучшую характеристику результатов хозяйственной деятельности. У каждого предприятия индивидуальная политика формирования своих финансов.

Annotation. The article discusses the problems of forming financial resources at the enterprise. Based on the above, it was concluded that the formation of financial resources and its sources completely depend on the organization's desire to develop and expand its production. Opinion about that, to take or not to take loans from commercial banks is strictly personal from everyone, and we cannot say that the development of the organization at the expense of our own working capital has the best characteristic of the results of economic activity. Each enterprise has an individual policy of forming its own finances.

Ключевые слова: финансы, финансовые ресурсы, финансовые ресурсы предприятия, капитал, инвестирование.

Key words: finance, financial resources, enterprise financial resources, capital investing.

Изучение финансовых ресурсов предприятий является актуальной проблемой экономики, исследованием которой в последние годы уделяется большое внимание. Понятие финансовых ресурсов и их классификация находят различное отражение в трудах многих ученых, однако единого мнения по данному вопросу на сегодняшний день не существует. Именно поэтому исследования финансовых ресурсов предприятий остается актуальным вопросом.

Финансовые ресурсы предприятия формируются в ходе производства материальных ценностей, характеризующего движение товаров и денег. Сформированные подходы к сущности финансовых ресурсов в современных научных изданиях не всегда соответствуют подлинному содержанию рассматриваемой категории. Характерно, что, рассматривая финансовые ресурсы, наиболее часто авторы имеют в виду денежные средства либо их фонды. Однако, безусловно, финансовые ресурсы представляют собой более широкое понятие, что подтверждается исследованиями, проводимыми разными временными авторами. Так Любушин Н.П. поясняет, что финансовые ресурсы представляются средствами, обеспечивающими денежные поступления организации в форме как прямых, так и скрытых выплат (прибыль, рента, дивиденды и прочее), увеличивающими стоимость предприятия (его акций, имущества и т. д.) [7].

В тоже время А.И. Бланк дает более развернутое понятие финансовым ресурсам предприятия, в соответствии с которым их можно представить, как контролируемые компанией экономические ресурсы, сформированные за счет капитала, инвестированного в них, определяемые при этом детерминированной стоимостью, возможностью генерирования дохода, высоким уровнем производительности, в ходе использования которых производится увязка с фактором времени, риска и ликвидности [3].

Однако ряд ученых и экономистов придерживаются именно сокращенного варианта определения. Так, И. Т. Балабанов уточняет, что финансовые ресурсы представляют собой часть денежных средств, образуемую в ходе создания и распределения валового общественного продукта и нацелена на формирование и распределение фондов денежных ресурсов [3].

Так, Каширна Е.А. поясняет, что финансовые ресурсы могут быть использованы предприятием в процессе инвестиционной и текущей деятельности

и находятся в регулярном движении, находясь в денежной форме только в виде остатков денежных ресурсов на банковских счетах и кассе организации [6].

Быкова Н.Н. в своем исследовании поясняет, что итог баланса позволяет определить реальную стоимость финансовых ресурсов, находящиеся в распоряжении компании [4].

С точки зрения А.В. Бальжинова, финансовые ресурсы входят в состав капитала любого предприятия, который задействован им в покрытии текущих нужд и приносит доходы с оборота [2].

С позиции второго направления понятия финансовых ресурсов разделяются на ресурсы материального и нематериального характера. К материальным финансовым ресурсам, возможно отнести финансы государственных или негосударственных, а также других типов компаний, или совместных и общественных объединений. В части финансовых ресурсов нематериального характера выступают финансы социально-культурной деятельности, социальное страхование, государственный бюджет образования, спорта, торговли, науки, ЖКХ и т.д.

Финансовые средства на предприятии выступают основой для осуществления производственной и иной деятельности предприятия. Как видно из определений профессоров, финансовые средства занимают важную роль на предприятии и что они входят в состав капитала любого предприятия, который задействован им в покрытии текущих нужд. Поэтому управляющим предприятия нужно всегда планировать и управлять источниками финансовых ресурсов, рассчитать необходимое количество финансовых ресурсов для успешной и прибыльной деятельности предприятия. Так как нехватка финансовых средств приводит к приостановке воспроизводственного процесса на предприятии, что крайне негативно влияет на конкурентную позицию предприятия и даже может привести к полной потере прибыли.

Факторы, оказывающие влияние на величину финансовых ресурсов предприятия, включают в себя следующие:

Амортизационный фонд, общий размер прибыли, количество обязательных платежей во внебюджетные фонды, объем налогов, находящийся в прямой зависимости с величиной товарооборота, уровнем налоговых льгот, ставок; рациональностью использования имущества [2].

Рассматривая факторы, оказывающие влияние на уровень финансовых ресурсов, авторы Донцова и Никифоров обращаются к взаимосвязи выручки от реализации продукции и финансовых ресурсов предприятия [5]. Авторы доказывают, что процесс использования (распределения) выручки оказывает непосредственное влияние на объем финансовых ресурсов.

Представляется, что более комплексно сущностные стороны факторов, воздействующих на финансовые ресурсы рассмотрены в работе И.А. Бланка [3]. Автор выделяет свойства финансовых ресурсов, определяя факторы, аккумулируемые каждым из них:

1. Имущественная ценность финансовых ресурсов. Указанное свойство финансовых ресурсов выражено в том, что вложения в новый или развивающийся бизнес может быть материализовано в виде прироста активов предприятия, которые в совокупности представляют собой финансовые ресурсы. Между капиталом и активами в данном контексте прослеживается тесная связь: активы представляют объект инвестирования капитала, а капитал – экономический ресурс, предназначенный для инвестирования его в активы. Данное свойство выражается в факторе генерации ресурсов, нацеленного на их преумножение.

2. Наличие меры стоимости финансовых ресурсов может быть определено имущественной ценностью компании, поскольку каждый элемент ресурсов имеет свою стоимость. Концепция стоимости, как правило, базируется на ценностях организации, как основного экономического ресурса.

3. Доходность ресурсов. Все финансовые ресурсы генерируют доход. Возможность получения дохода в ходе ведения текущей либо инвестиционной деятельности представляется важным фактором, повреждающим целесообразность приобретения активов предприятием, что будет способствовать росту прибыли, получаемой в результате использования финансовых ресурсов.

4. Риски ресурсов. Использование каждого типа ресурсов, вошедших в состав финансовых сопровождается риском использования активов в деятельности организации. Носитель данного фактора финансовых ресурсов отождествляется с характеристикой их, как экономических ресурсов, способствующих генерации дохода.

5. Ликвидность финансовых ресурсов. Под ликвидностью понимается способность более ускоренно конвертации активов в денежную форму по собственной рыночной стоимости. Указанное свойство ресурсов может обеспечить возможность оперативной их реструктуризации при необходимости в ней.

Финансовые ресурсы, которые находятся в распоряжении предприятия, могут расходоваться на строительство или приобретение оборудования, зданий и сооружений, финансовые инвестиции,

закупку сырья и материалов для производства товаров, выплату заработной платы, введение учебных программ для персонала и наем новых работников, приобретение или аренду земли, приобретение других капитальных активов и т.п. [1].

В состав внутренних источников финансирования относится чистая прибыль отчетного периода, на которую оказывает существенное влияние определенный требованиями действующего законодательства порядок признания активов. Экономическая категория «активы» определяет совокупность имеющихся у субъектов рыночных отношений материальных и финансовых ресурсов. Одной из проблем формирования финансовых ресурсов является воздействие на них таких критериев, как, право собственности предприятия на актив, достоверная оценка актива и ожидания от использования актива получения экономических выгод. Причиной такой проблемы есть принципиальные различия в признании доходов и расходов в финансовом учете и в налоговом учете [2].

В состав внешних источников входят привлеченные кредиты, эмитированные ценные бумаги, которые организация продаёт в целях получения средств, и через установленное в договоре время выкупают с выплатой процента по ним. Выпуск ценных бумаг является альтернативой кредиту. И предприятию прежде чем решить к какому методу привлечения средств прибегнуть, нужно анализировать каждый из них и с учетом затрат и положения на рынке, выбрать метод с наименьшими затратами и с наименьшим риском. Также стоит отметить, что прибегать к привлеченным средствам предприятию не всегда выгодно. В случае если затраты на привлечение средств не окупаются за счет увеличения рентабельности собственных средств, то предприятие не извлечет выгоды от привлечения кредитов и эмиссии ценных бумаг.

Основными факторами, влияющими на формирование и использование финансовых ресурсов [6], являются: отраслевая принадлежность; вновь созданное или давно существующее предприятие; форма собственности и организационно-правовые формы; текущие задачи и стратегические цели деятельности; возможности привлечения дополнительных финансовых ресурсов; отраслевая принадлежность; профессиональный уровень работников финансовой службы; стоимость финансовых ресурсов на рынке капиталов; общеэкономическое и политическое положение в государстве.

В заключение хотелось бы сказать о том, что формирование финансовых ресурсов и его источники полностью зависят от желания организации развивать и расширять свое производство. Мнение о том, брать или не брать кредиты в коммерческих банках сугубо личное у каждого, и мы не можем утверждать, что развитие

организации за счет собственных оборотных средств имеет лучшую характеристику результатов хозяйственной деятельности. Но привлекая кредиты организация тем самым увеличивает рентабельность собственных средств. При этом нужно учитывать расходы на обслуживание кредита, в случае если эти расходы превышают тот эффект, который мы получаем от использования заемных средств в плане увеличения рентабельности собственных средств, то не целесообразно брать кредит, в противном случае предприятию стоит прибегнуть к кредиту, так как это выгодно для него. У каждого предприятия индивидуальная политика формирования своих финансов.

Литература

1. Балабанов И. Т. Финансовый менеджмент: Учебное пособие / И. Т. Балабанов 4-е изд., доп. и перераб., СПб. «Питер», 2015. - 218с.
2. Бальжинов А.В. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности

предприятия: Учебное пособие / А.В. Бальжинов, Е.В. Михеева. - Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2014. - 119 с.

3. Бланк И.В. Финансовый менеджмент: Учебное пособие / В.И. Бланк 4-е изд., доп. и перераб., СПб. «Питер», 2015. - 218с.

4. Быкова Н.Н. Финансовое состояние предприятия и определение его сущности в экономической литературе // Гуманитарные научные исследования. - 2017. - № 1. – С. 26-31.

5. Донцова Л.В. Никифорова Н.А. Комплексный анализ бухгалтерской отчетности: учебное пособие/ Донцова Л.В., Никифорова Н.А.- 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Дело и сервис», 2015.

6. Каширина Е.А. Анализ финансового состояния и результатов деятельности предприятия: теоретические аспекты // Системное управление – 2017. – № 1. - С. 35-42.

7. Любушин Н.П. Экономический анализ: Учебник/ Н.П. Любушин. – М.: Юнити-Дана, 2015. – 575 с.

УДК 338

Астахин А.С.

МОДЕЛИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ С ФУНКЦИЕЙ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Astakhin A.S.

MODELLING THE SUSTAINABILITY OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS WITH RAPID RESPONSE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Аннотация. В статье представлен подход к моделированию уровня устойчивости открытых региональных динамических систем. Определены интегрированные показатели жизнедеятельности региональной экономики при устойчивом функционировании экономической системы и проведена оценка значений показателей устойчивости и жизнедеятельности на основе шкалы критериальных границ. Предложен алгоритм стабилизации динамической устойчивости и стабилизации функционирования региональной экономики при влиянии внешних и внутренних управляющих воздействий и возмущений.

Abstract. Approach to modeling of level of stability of open regional dynamic systems is presented in article. The integrated vital signs of regional economy at steady functioning of an economic system are defined and the assessment of values of indicators of stability and activity on the basis of a scale of criteria borders is carried out. The algorithm of stabilization of dynamic stability and stabilization of functioning of regional economy at influence of external and internal managing directors of influences and indignations is offered.

Ключевые Слова: региональная экономика, точки роста, жизнедеятельность, системный подход, критерий-фактор, экономическая жизнедеятельность, качество жизни населения, уровень устойчивости, динамическая система

Keywords: regional economy, growth points, activity, system approach, criterion factor, economic activity, quality of life of the population, stability level, dynamic system

Современное состояние экономики России – это переходное состояние становления обновленных капиталистических отношений и трансформации постсоветской системы управления, характеризующееся актуализацией проблем перспективного развития и диверсификационного структурирования регионов, экономика которых в значительной мере автономно должна обеспечить решение задач комплексного

регионального развития. Это обусловлено тем, что традиционные факторы экономического роста, обеспечившие значимый подъем народного хозяйства страны при социалистическом строе централизованного отраслевого управления, в настоящее время мало функциональны и эффективны, и сегодня остро стоит проблема поиска новых стратегических путей развития для российских регионов.

Следовательно, первоочередной является задача пересмотра устоявшихся ранее приоритетов в экономике регионов, профилирующих видов деятельности, которые оказались неспособными продолжать выполнять роль тягачей региональных экономик на основании ретроспективного анализа экономической, а точнее социально-экономических сфер регионов, в следствии чего возникает проблема определения полюсов экономического развития, которая тесно сопряжена с обоснованием стратегического выбора региона.

Теоретическая и методологическая база исследований экономической динамики в контексте социально-экономического развития исследовались нами в соответствии с трудами Л. Абалкина, А. Богданова, А. Гранберга, Г. Клейнера, В. Чекмарева, В. Солопова и др. Вопросы чувствительности системы рассматривались в контексте трудов Ф. Хайека, Дж. Кларка, Ф. Найта, Вукобратовича М., Томовича Р. и других. Самостоятельное значение в этом направлении имеют работы российских ученых - Городецкого В. И., Моревой О. Д., Решетова А. А., Юсупова Р. М. и др.

Как свидетельствует анализ научных работ состав приоритетных видов деятельности ориентирован, как правило, на уже существующую систему приоритетных отраслей и видов деятельности, которые реализуются на территории региона ретроспективно, исходя из сформированной ранее системы межтерриториального разделения труда. Как показывает практика, что такого рода структура экономики весьма инерционна и в большей мере не способна отвечать современному уровню развития, поскольку сложилась в рамках приоритета отраслевого управления плановой административно-хозяйственной системы. Управление на региональном уровне сводилось к разработке комплексного плана социально-экономического развития, призванного согласовывать отраслевые и территориальные интересы, однако, в реальности он представлял собой набор отраслевых наработок, и часто не учитывал большинство потребностей проживающего на территории регионов населения.

Данный подход в экономическом развитии страны в 90-е и начале 2000-х годов с точки зрения управления регионами не позволил обеспечить соблюдение экономических интересов регионального, федерального, отраслевого развития России в постсоветский период. Экономика практически всех Субъектов оказалась неспособной продолжить свою эффективную деятельность в условиях переходного периода, и как закономерное следствие произошла ликвидация субъектов большинства секторов экономики страны в достаточно короткие сроки с сохранением экономической очаговости функционирования на территории регионов, что на сегодняшний день связывается со стратегическим выбором региона.

И как следствие речь идет о том, насколько эффективно функционирует сложившаяся система, сложившийся перечень приоритетных функций, реализуемых регионом, сможет обеспечить достижение намеченных целей его социально-экономического развития на заданную стратегическую перспективу. Решение подобного рода задач возможно с использованием метода формирования и активизации полюсов экономического развития в регионе.

Как правило, стратегический выбор включает отрасли или виды деятельности, которые традиционно являлись профилирующими для конкретного Субъекта Федерации, его реализация может не быть связана с потребностью в диверсификации его экономики, которая может быть осуществлена на основе поиска и определения точек роста и полюсов экономического развития, в т.ч. сохранившиеся как островки с советских времен.

Наблюдаемая очаговость экономического функционирования территорий, ограниченность материально-финансовых средств и необходимость стратегического развития регионов послужили к формированию концепции «точек роста».

Концепция «точек роста» основана на стратегии поляризованного регионального развития, и, в общем случае, ее цель - формирование центров промышленности, способных оказать стимулирующее влияние на развитие смежных с ними территорий.

Исследованиями концепции точек роста и динамики структурных изменений в региональных экономиках ученые занимаются в течение долгого периода времени и отмечают в своих работах Болоцкий Е.В., Бутакова М.М., Вертакова Ю.В., Дедов Л.А., Дейтрих А., Кемени Т., Кларк К., Кузнец С., Кузьбожев Э.Н., Лузин Г.П., МакМилан М., Мидлер Е.А., Новикова Н.В., Павлов К.В., Плахова Л.В., Полянин А.В., Растворцева С.Н., Рисин И.Е., Родрик Д., Плотников В.А., Сепулведа С., Селин В.С., Сибирская Е.В., Сироткина Н.В., Стопер М., Трещевский Ю.И., Тронина И.А., Федотова Г.В., Хавлик П., Харченко Е.В., Черников Д.А.

Целесообразно в начале исследования провести анализ понятия «точка экономического роста». Нами выявлено несколько подходов к определению данной экономической категории. Так Лашева Т.О. в работе «Формирование и активизация полюсов экономического развития в регионе» [1] под «точкой экономического роста» предлагает понимать объект экономики, отрасль или вид деятельности, способные в результате активизации обеспечивать диверсификацию и оптимальное структурирование экономики региона, стимулировать выявление и развитие новых экономических субъектов, способствовать повышению качества жизни населения.

Среди главных результатов активизации «точек экономического роста», включенных в состав стратегического выбора региона, являются:

- оптимальная трансформация структуры региональной экономики;
- активизация инвестиционного финансирования экономических процессов за счет повышения инвестиционной привлекательности региона;
- обеспечение доходной части регионального консолидированного бюджета, достаточной для финансирования нормативного развития социальной сферы региона;
- создание условий для повышения социально-экономической активности населения;
- содействие адекватных условий для укрепления и развития межрегиональных и внешнеэкономических связей региона.

Ученые Г.В. Гутман, А.А. Мироедов, С.В. Федин и др. в работе «Управление региональной экономикой» определяют эту категорию «точки экономического роста», как успешно функционирующие предприятия, способные к самостоятельному развитию, самодостаточные в финансовом отношении [2].

Второй подход предусматривает рассмотрение в качестве точек экономического роста предприятия, имеющие экономический потенциал развития, однако способные реализовать его только при условии наличия внешней финансовой поддержки. Авторы [3;4] включают в понятие «точки экономического роста» совокупность четырех элементов:

- территории регионов (как составляющие страны в целом или регионов внутри нее);
- отрасли (более перспективные и менее затратные для конкретной территории);
- предприятия (базовые для отраслей или просто стабильно функционирующие);
- программы (направленные на экономическую стабилизацию).

В данном случае в понятие «точки роста» включаются и программы, как инструмент регулирования.

До настоящего времени в научном сообществе не сложилось единого мнения к анализу и оценке целесообразности включения в стратегический выбор определенного региона конкретной отрасли или вида деятельности.

Так, обобщая приведенные мнения, следует отметить, что точка экономического роста региона может являться составной частью, или частным случаем полюса экономического развития. Основанием создания «точек роста» является появление инвестиционно привлекательного источника инновационного развития в определенной сфере и в возможности реализации этих инноваций на ограниченной территории, а не на обширном экономическом пространстве.

К примеру, одной из модификаций концепции точек роста в современной научной мысли можно считать концепцию профильности, под которой

понимается способность предприятия успешно функционировать на территории, одновременно обладая свойствами привлекательности и приживаемости для данной территориальной социально-экономической системы. Подобный подход определяет ранжирование объектов экономики на определенной территории по принципу селективной территориальной экономической политики без упора на выявление и формирование полюсов экономического развития как тягачей социально-экономического развития территории.

Опираясь на проведенный выше анализ научных трудов, можно сделать вывод, что стратегический подход к точечному социально-экономическому развитию территории предусматривает определение требований, главными среди которых можно выделить: интеллектуальные, образовательные, технологические, транспортные ресурсы, обеспечивающими общегосударственные и региональные интересы, которые нацелены на изменение как количественных, так и качественных характеристик региона в определенной тактической и стратегической перспективах.

В процессе стратегического планирования социально-экономического развития региона особое внимание следует уделять сбалансированному развитию системы, которое обеспечивается реализацией совокупности целого ряда заданных параметров, а нарушается выходом за прогнозируемые пределы любого из них. Следовательно, необходимо выработать четкие критериальные требования, предъявляемые к параметрам точек экономического роста, позволяющие обеспечить его безопасное и сбалансированное развитие – назовем их критерий-факторами.

Среди критериальных требований, предъявляемых критерий-факторам точек экономического роста, следует указать на комплексность, сбалансированность, жизнедеятельность, эффективность и социальную ориентированность.

Прежде всего, точки экономического роста должны обеспечивать комплексное региональное развитие, поскольку объектом целеполагания [3] выступают все отрасли и сферы жизнедеятельности региона, а также протекающие в его границах экономические и социальные процессы. Комплексность хозяйства региона, по мнению Т.А. Федоровой, означает сбалансированное, согласованное развитие его производительных сил [4]. Эффект комплексности складывается из эффектов агломерации, межотраслевого сочетания и социально-экономического, связанного с концентрацией населения.

По мнению А.Б. Алаева - комплексность подразумевает такую взаимосвязь между его элементами, когда эффективно выполняется специализация региона, не наблюдается существенных внутрорегиональных

хозяйственных диспропорций и сохраняется способность региона осуществлять в своих территориальных пределах расширенное воспроизводство [5].

Кроме того, точки экономического роста при достаточно высоком уровне концентрации производства в регионе должны являться материально-финансовой предпосылкой его стратегического обособления от других хозяйствующих субъектов и систем. Экономическое содержание этого обособления заключается в том, что определенная часть воспроизводственных народнохозяйственных связей ограничивается рамками территории региона, и на этой основе образуется специфическая и относительно самостоятельная форма движения закрепленных за регионом средств производства и произведенного продукта. Представляется, что именно благодаря такому экономическому обособлению получают право на существование важнейшие категории регионального воспроизводства (валовой региональный продукт, фонды потребления и накопления и т.д.), причем экономическое обособление не следует понимать как способность к самовоспроизводству, поскольку каждый отдельный регион занимает определенное место в системе общественного разделения труда, являясь составной частью единого народно-хозяйственного комплекса. Важнейшей характерной чертой обособления региона является его относительная форма, которая проявляется в становлении и развитии целой системы социальн-экономических связей, обеспечивающих единство регионального и общегосударственного воспроизводства [6].

Как правильно замечает Н.П. Дроздова - понятие эффективности функционирования системы нельзя сводить только к рыночным критериям [7]. Данный тезис предопределяет обоснованность следующего общего требования - точки экономического роста должны быть социально ориентированными, предполагающими повышение качества жизни населения территории (региона), которое не должно сводиться лишь к выделению минимально социально ориентированных средств, покрывающих расходы на оплату пенсий, пособий, поддержку социальной инфраструктуры, поскольку данных затрат обществу невозможно избежать.

В настоящее время существует несколько различных подходов к определению категории "качество жизни". Предлагается качество жизни трактовать как категорию, всесторонне характеризующую уровень и степень благосостояния, свобод, социального и духовного развития человека. В числе ее структурных составляющих целесообразно выделить главные составляющие, а именно: продолжительность жизни, состояние общественного здоровья, уровень и образ жизни населения.

Именно социально ориентированные точки экономического роста являются решающим

фактором развития региона, поскольку повышение уровня и качества жизни населения - мощный стимул к труду, источник платежеспособного спроса, гарант доверия населения к органами государственной власти и местного самоуправления, стимулятор формирования стабилизирующего (среднего) класса населения региона с прилагаемыми атрибутами образа жизни. Стоит согласиться, что постоянное планомерное повышение качества жизни населения региона является одной из основных целевых задач региональной политики [8].

Необходимо заметить, что для оценки качества жизни населения научным сообществом разработаны различные варианты систем показателей, характеризующие состояние общественного здоровья и продолжительности жизни, уровня и образа жизни [9].

В современных политико-экономических условиях, перечисленные и обоснованные выше критериальные требования необходимо дополнить требованием инновационного развития. Как правило, при стратегическом развитии региона акцент делается на развитие промышленности, которая выступает структурообразующим ядром региональной экономики, в то время как именно на инновационной основе должны развиваться все сферы жизнедеятельности региона.

Как справедливо отмечается в работе Т.О. Лашева, что в качестве критериев отнесения тех или иных отраслей к категории «точка роста» предлагает использовать:

- бюджетную эффективность (размер налоговых платежей).
- удельный вес отрасли в общем объеме продукции, произведенной на территории за определенный период;
- совокупность ведущих предприятий по комплексу экономических показателей;
- долю убыточных предприятий в отрасли;
- уровень рентабельности отрасли;
- денежное и количественное выражение полученной прибыли.

Приведенный набор критериев преследует цель определения роли предприятий и отраслей в региональном экономическом комплексе, дает представление о способности той или иной отрасли быть или в перспективе стать точкой роста.

В последние годы все большее внимание уделяется не только подъему различных отраслей экономики в регионе, повышению уровня благосостояния граждан, социальной защите населения, но и тому, как эти процессы сделать взаимосвязанными, т.е. чтобы рост экономики сопровождался обязательным улучшением социальной ситуации, а социальная обстановка благотворно воздействовала бы на развитие экономических процессов в регионе.

А.А. Мироедов в своей работе показывает, как преимущества региональной экономики

реализуются через структурно-территориальную политику, т.е. соответствие структуры производства структуре размещения ресурсов. Теория территориально-производственных комплексов и теория кластеров направлены на достижение такого соответствия.

В основу формирования взаимосвязанных точек экономического роста региона автором положены следующие принципы [10]:

- совместное использование региональных ресурсов разными отраслями;
- наличие единых технологий и техники;
- возможность отношений с одними и теми же поставщиками;
- использование продукции одних из отраслей региона в деятельности других отраслей того же региона.

Соглашаясь с позицией Федоренко Н.П. [11], преодоление комплекса проблем, связанных с относительно низкой эффективностью региональных экономик, целесообразно начать с объединения значимых, экономически обоснованных усилий, направленных на разработку специальных программ, как на региональном, так и на федеральном уровне, с определением экономических, технических и социальных приоритетов по каждой территории. Решить подобного рода проблему в конкретном регионе вполне реалистично с помощью метода формирования точек экономического роста, ядром которого является алгоритм формирования рационального комплекса точек экономического роста, представляющий собой совокупность прогнозно-аналитических процедур и управленческих действий, направленных с одной стороны на выбор и обоснование отраслей и видов деятельности, способных обеспечить достижение стратегических целей социального и экономического развития региона, с другой на определение объемов ресурсов необходимых для активизации.

В работе Лашевой определен ряд положений, которые должны быть учтены при организации исследований, связанных с формированием точек экономического роста, которые войдут в элементный состав нового стратегического выбора региона.

Во-первых, главным целевым ориентиром всех исследований является повышение качества жизни местного сообщества до уровня, нижняя граница которого определена системой минимальных государственных социальных стандартов, если таковые имеются.

Во-вторых, в существующих политико-экономических условиях формирование новых точек экономического роста региона-субъекта РФ в значительной мере определяется величиной и эффективностью использования его ресурсной базы, собственного социальноэкономического потенциала.

В-третьих, эффективность прогнозно-

аналитических работ, связанных с формированием точек экономического роста в регионе, которые войдут в элементный состав нового стратегического выбора в значительной мере определяется наличием полной и достоверной информации о закономерностях функционирования и стартовых условиях социально-экономического развития региона.

При этом, как справедливо отмечает Селин В.С., сложность анализа реального состояния экономики региона связана с тем, что оно «размывается» общей динамикой переходных процессов.

В нашем случае, для выяснения первой из поставленных задач, целесообразно использовать факторы, характеризующие общую социально-экономическую ситуацию в регионе:

- качество жизни населения;
- экологическая обстановка;
- состояние основных фондов сложившихся точек экономического роста;
- региональный баланс финансовых ресурсов;
- величина и эффективность использования регионального социально-экономического потенциала.

Однако необходимо отметить, что в приведенных выше работах вопросы обеспечения активизации точек роста и жизнедеятельности населения, общества рассматривались без учета анализа и оценки взаимовлияния социальной, экономической, экологической, демографической и политической систем без учета уровня жизнедеятельности региональной экономики и территории, на которой проживает население.

Известно, что игнорирование отдельных методологических аспектов не гарантирует полноту исследования и научную значимость полученных результатов. Поэтому выявленная, уже «исторически» сложившаяся закономерность разработки социально-экономических моделей обусловлена тем, что для моделирования процессов жизнедеятельности объектов экономики, как системы с научной точки зрения в большей степени подходит синтетический метод. Но при этом следует учитывать, что синтез или диагностика возможны только на основе знаний закономерностей построения и функционирования систем [12]. Преимуществом синтезированных моделей является возможность формирования процессов с «наперед» заданными свойствами [13]. В этой связи синтез модели сложной системы региональной экономики предполагает использование концепции системотехники, изложенной в научных трудах А.А. Богданова [14].

Синтетический подход предполагает построение соответствующей модели, обеспечивающей формирование системы жизнедеятельности региона, для этого нами выбран широко известный в математике «инструмент» –

сходящихся целочисленных рядов в совокупности с методом предельных уравнений в сочетании с методом функций Ляпунова [15-17].

Во многих задачах экономического характера структура управляемых общественных динамических подсистем и их параметры известны с некоторой погрешностью, и к числу необходимых требований, предъявляемых к управляемым системам, относится их устойчивость (в том или ином смысле) по отношению к структурным и внешним возмущениям.

К таким задачам относятся задачи проектирования и отработки сложных систем объектов экономики, в т.ч. региональных экономик.

Для решения задач стабилизации сложных управляемых динамических систем объектов экономики используют упрощение (преобразование) их структурных схем. Наиболее распространенными упрощениями являются декомпозиция, децентрализация и агрегирование. Известно, что подбором обратных связей сложную управляемую динамическую региональную систему можно представить в виде отдельных общественных подсистем. В представленных выше исследованиях встречаются управляемые динамические системы, которые расчленяются на локализованные подсистемы, обладающие определенной степенью автономности в том смысле, что управление может осуществляться на уровне подсистем (на локальном уровне) и на уровне исходной системы (на глобальном уровне). К таким системам относятся математические динамические модели объединенных энергосистем, манипуляционных управляемых динамических систем региональных экономик и других подсистем.

При решении задач оптимальной стабилизации объектов экономики ключевую роль играют теоремы метода функций Ляпунова об устойчивости относительно всех и части фазовых переменных. На основе указанных теорем изучаемые задачи сводятся к определению вида подынтегральной функции в критерии качества, при этом управляющие воздействия выбираются таким образом, чтобы известная для системы без управления функция Ляпунова могла служить оптимальной функцией Ляпунова для той же системы, но при действии на нее дополнительных управляющих сил.

Для анализа динамических процессов управления экономическими системами эффективным является использование теоретического аппарата теории устойчивости и качественной теории динамических систем. Методы, разработанные в трудах А.М. Ляпунова, Н.Е. Жуковского, Н.Г. Четаева, И.Г. Малкина, Н.Н. Красовского, Е.А. Барбашина, В.И. Зубова, А.А. Шестакова и других ученых, позволяют исследовать устойчивость состояний равновесия и

предельных циклов в динамических управляемых системах.

Теоретические и методологические вопросы экономической динамики в контексте социально-экономического регионального развития нами исследовались на основании трудов Л. Абалкина, А. Богданова, А. Гранберга, Г. Клейнера, В. Чекмарева, В. Солопова и др. Вопросы чувствительности системы рассматривались в контексте трудов Ф. Хайека, Дж. Кларка, Ф. Найта, Вукобратовича М., Томовича Р. и других. Самостоятельное значение в этом направлении имеют работы российских ученых - Городецкого В. И., Моревой О. Д., Решетова А. А., Юсупова Р. М. и др.

Важным методом исследования устойчивости неавтономных управляемых динамических экономических систем является метод предельных уравнений в сочетании с методом функций Ляпунова. Метод предельных уравнений дает возможность использовать для анализа изучаемой системы свойства ее предельной системы и исследовать предельную систему с помощью приемов топологической динамики. Предельные свойства динамических систем изучались, начиная с работ А.М. Ляпунова, А. Пуанкаре, в работах Дж. Селла, Арпггейна, Дж. Като, А.С. Андреева, А.А. Мартынюка, А.А. Шестакова, И.Г. Башмакова, А.М. Матвиенко и других ученых.

Метод предельных уравнений в сочетании с методом функций Ляпунова применяется также для решения задач оптимальной стабилизации управляемых динамических систем. Способы оптимальной стабилизации управляемых систем различных типов разработаны в трудах Н.Н. Красовского, В.В. Румянцева, А.С. Андреева, О.В. Дружининой и Е.В. Щенниковой и других ученых. В настоящее время исследования по оптимальной стабилизации направлены на обобщения имеющихся результатов при ослаблении условий, налагаемых на оптимальную функцию Ляпунова. Кроме того, актуальными являются вопросы оптимальной стабилизации многосвязных управляемых систем, используемых при исследовании объектов экономики.

Рассмотрим непрерывную управляемую открытую экономическую региональную систему. Указанная система задается с помощью правил вида. Если $z_1(t)$ есть M_{i1} , $z_2(t)$ есть M_{i2} , ..., z_p есть M_p , то

$$\dot{x}(t) = A_i x(t) + B_i u(t), \quad i=1, 2, \dots, m, \quad (1)$$

где M_{ij} ($i = 1, 2, \dots, m, j = 1, 2, \dots, p$) - мягкие (нечеткие) множества; m - число правил; $x(t) \in R^n$ - вектор состояния; $u(t) \in R^q$ - вектор входа; $z_1, \dots, z_p(t)$ - известные предпосылки; $A_i \in R^{n \times n}$, $B_i \in R^{n \times q}$.

Иследуемая система может быть записана в виде

$$\begin{aligned} \dot{x}(t) &= \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) \{A_i x(t) + B_i u(t)\}, \\ z(t) &= [z_1(t), z_2(t), \dots, z_p(t)] \end{aligned} \quad (2)$$

$$h_i(z(t)) = \frac{w_i(z(t))}{\sum_{i=1}^m w_i(z(t))} w_i(z(t)) = \prod_{j=1}^p M_{ij}(z(t)) \forall t$$

Так как $\sum_{i=1}^m w_i(z(t)) > 0$, $w_i(z(t)) \geq 0$, $i = 1, 2, \dots, m$, то $\sum_{i=1}^m h_i(z(t)) = 1$, $h_i(z(t)) \geq 0$, $i = 1, 2, \dots, m \forall t$.

Следовательно справедливы следующие свойства:

$$h_i(z(t)) = \frac{\partial h_i}{\partial z(t)} \cdot \frac{\partial z(t)}{\partial x(t)} \cdot \frac{\partial x(t)}{\partial t} = \sum_{i=1}^S U_{i1} \xi_{i1} \cdot \frac{\partial x(t)}{\partial t} \quad (3)$$

$$\sum_{k=1}^m h_k(z(t)) = 0 \quad (4)$$

Введем регулятор параллельно распределенной коррекции для экономической системы (1)

$$u(t) = -\sum_{i=1}^m h_i(z(t)) F_1 x(t), \quad (5)$$

где F_1 - коэффициенты усиления обратной связи в экономической системе.

Открытая экономическая региональная система может быть задана с помощью дифференциального уравнения

$$\dot{x}(t) = \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) A_i x(t). \quad (6)$$

Подставляя (5) в (2), получаем замкнутую экономическую систему

$$\dot{x}(t) = \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m h_i(z(t)) h_j(z(t)) \{A_i - B_i F_j\} x(t) \quad (7)$$

Рассмотрим неравенства

$$|h_k| < a_k, \forall k = 1, \dots, m, \quad (8)$$

где $a_1, a_2, \dots, a_m$ - положительные постоянные.

Теорема 1 [1,2]. Рассмотрим матричные неравенства

$$\begin{aligned} P_i &= P_i^* > 0 \forall i = 1, 2, \dots, m-1; \\ P_i - P_m &\geq 0 \forall i = 1, 2, \dots, m; \\ \bar{P}_a + \frac{1}{2} (A_i^* P_j + A_j^* P_i + P_i A_j) &< 0, i \leq j, \end{aligned} \quad (9)$$

где $i, j = \{1, \dots, m\}$, $\bar{P}_a = \sum_{k=1}^{m-1} a_k (P_k - P_r)$ и a_k - скаляры.

Пусть выполнены условия (8). Тогда открытая TS - система (6) устойчива, если совместимы линейные матричные неравенства (9).

Теорема 2 [1,2]. Рассмотрим матричные неравенства

$$\begin{aligned} P_i &= P_i^* > 0 \forall i = 1, 2, \dots, m-1; \\ P_i - Q &\geq 0 \forall i = 1, 2, \dots, m; \\ \bar{P}_a + \frac{1}{2} (A_i^* P_j + P_j A_i + A_j^* P_i + P_i A_j) &< 0 \ i \leq j, \end{aligned} \quad (10)$$

где $i, j = \{1, \dots, m\}$, $\bar{P}_a = \sum_{k=1}^m a_k (P_k + Q)$ и a_k - скаляры и $Q = Q^*$.

Пусть выполнены условия (8). Тогда открытая TS - система (6) устойчива, если совместны линейные матричные неравенства (10).

Признаки устойчивости

Считаем, что справедливо следующее утверждение в отношении региональной экономики.

Теорема 3. Рассмотрим матричные неравенства

$$\begin{aligned} P_k + S &> 0, k \in \{1, \dots, m\} \setminus \{1, \dots, 2, m\}; \\ P_j + c_0 S &> 0, j \in \{1, \dots, m\}; \\ P_a + \frac{1}{2} \{A_i^* (P_j + cS) + (P_j + cS) A_i + A_j^* (P_i + cS) + (P_i + cS) A_j\} &< 0, i \leq j, \end{aligned} \quad (11)$$

где $i, j = 1, 2, \dots, m$, $P_a = \sum_{k=1}^m a_k (P_k + S)$ и $c_0 = 1 - a_0$.

Пусть выполнены условия (8) и $a_0 \in [0, 1]$. Тогда система устойчива, если существуют положительно определенные симметричные матрицы P_k ($k = 1, 2, \dots, m$) и матрица $S = S^*$ такие, что совместны линейные матричные неравенства (11).

Доказательство. Рассмотрим векторную функцию Ляпунова $(V_1, V_2, \dots, V_m)$. Выберем функцию Ляпунова вида

$$V(x(t)) = \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) \cdot V_k(x(t)), \quad (12)$$

$$V_k(x(t)) = x^*(t) (P_k + c_0 S) x(t), k = 1, 2, \dots, m \quad (13)$$

где величины в правых частях обладают свойствами

$$\begin{aligned} P_k &= P_k^*, S_k = S^* \text{ и } (P_k + c_0 S) \geq 0, k = 1, 2, \dots, m, \\ a_0 &\in [0, 1], c_0 = 1 - a_0. \end{aligned}$$

Предположим, что функция $V(x(t))$ обладает свойствами:

$$V(x(t)) - \text{функция регионального уровня; } (14)$$

$$V(0) = 0 \text{ и } V(x(t)) \geq 0 \text{ при } x(t) \neq 0 \quad (15)$$

$$\|x(t)\| \rightarrow \infty \Rightarrow V(x(t)) \rightarrow \infty. \quad (16)$$

Тогда

$$\dot{V}(x(t)) = \sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot V_k(x(t)) + \sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot \dot{V}_k(x(t)). \quad (17)$$

$$\dot{V}(x(t)) = w_1(x, z) + w_2(x, z), \quad (18)$$

где

$$w_1(x, z) = x^*(t) \left(\sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot (P_k + c_0 S) \right) x(t), \quad (19)$$

$$w_2(x, z) = \frac{1}{2} \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m h_i(z(t)) h_j(z(t)) x^*(t) \cdot \{A_i^*(P_j + c_0 S) + (P_j + c_0 S)A_i + A_j^*(P_i + c_0 S) + (P_i + c_0 S)A_j\} x(t) \quad (20)$$

По условию (8) имеем

$$w_1(x, z) \leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x(t)^*(P_k + c_0 S) x(t). \quad (21)$$

Из (4) следует, что $\sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \in S = \bar{S} = 0$, где S - симметрическая матрица соответствующей размерности. Учитывая (18) ÷ (21), получаем

$$w_1(x, z) \leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x(t)^*(P_k + S) x(t).$$

Следовательно,

$$\dot{V}(x(t)) \leq x^*(t) \left(\sum_{k=1}^m a_k \cdot (P_k + S) \right) x(t) + x(t)^* \frac{1}{2} \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^m h_i h_j \times \\ \times \{A_i^*(P_k + c_0 S) + (P_k + c_0 S)A_i + A_k^*(P_i + c_0 S) + (P_i + c_0 S)A_k\} x(t).$$

В силу (11) производная $\dot{V}(x(t))$ отрицательна и система (6) устойчива. Теорема доказана. Стабилизация. Запишем систему (7) в виде

$$\dot{x}(t) = \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) h_i(z(t)) G_{ii}(x(t)) + 2 \sum_{i=1}^m \sum_{i < j} h_i(z(t)) h_j(z(t)) \left\{ \frac{G_{ij} + G_{ji}}{2} \right\} \cdot x(t), \quad (22)$$

где $G_{ij} = A_i - B_i F_j$, $G_{ii} = A_i - B_i F_i$.

Теорема 4. Рассмотрим матричные неравенства

$$P_k + S > 0, k \in \{1, \dots, m\}, P_j + c_0 S \geq 0, j = 1, 2, \dots, m; \quad (23)$$

$$P_a + \{G_{ii}^*(P_a + c_0 S) + (P_a + c_0 S)G_{ii}\} < 0, i, k \in \{1, 2, \dots, m\}; \quad (24)$$

$$\left\{ \frac{G_{ij} + G_{ji}}{2} \right\}^* (P_k + c_0 S) + (P_k + c_0 S) \left\{ \frac{G_{ij} + G_{ji}}{2} \right\} < 0, \forall i, j, k = 1, 2, \dots, m, \forall i < j \quad (25)$$

где $G_{ij} = A_i - B_i F_j$, $G_{ii} = A_i - B_i F_i$, $P_a = \sum_{k=1}^m a_k (P_k + S)$.

Пусть выполнены условия (8). Тогда система (7) устойчива, если существуют положительно определенные симметрические матрицы P_k ($k = 1, 2, \dots, m$), S и матрицы $F_1, F_2, \dots, F_m$ такие, что матричные неравенства (23) ÷ (25) совместны.

Доказательство. Рассмотрим функцию Ляпунова вида (12), где V_k определены в (13).

Производная по времени вдоль траектории системы (22) определяется соотношением

$$\dot{V}(x(t)) = \sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot V_k(x(t)) + \sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot \dot{V}_k(x(t)). \quad (26)$$

Соотношение (26) запишем в виде

$$\dot{V}(x(t)) = x^*(t) \left(\sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot (P_k + c_0 S) \right) x(t) + x^*(t) \left(\sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot (P_k + c_0 S) \right) x(t) + \\ + x^*(t) \left(\sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot (P_k + c_0 S) \right) \dot{x}(t). \quad (27)$$

Подставляя (22) в (27), получаем

$$\dot{V}(x(t)) = W_1(x, z) + W_2(x, z) + W_3(x, z), \quad (28)$$

где

$$\begin{aligned} W_1(x, z) &= x^*(t) \left(\sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \cdot (P_k + c_0 S) \right) x(t), \\ W_2(x, z) &= x^*(t) \sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m h_k(z(t)) h_i^2(z(t)) \{G_{ii}^*(P_k + c_0 S) + (P_k + c_0 S) C_{ii}\} x(t), \\ W_3(x, z) &= x^*(t) \sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m \sum_{i < j} h_k(z(t)) h_i(z(t)) h_j(z(t)) \left[\left\{ \left(\frac{G_{ij} + G_{ji}}{2} \right)^* (P_k + c_0 S) + (P_k + c_0 S) \left(\frac{G_{ij} + G_{ji}}{2} \right) \right\} x(t) \right]. \end{aligned}$$

На основании предположения (8) имеем

$$W_1(x, z) \leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x^*(t) (P_k + c_0 S) x(t). \quad (29)$$

Из (4) следует, что $\sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \in S = \bar{S} = 0$, где S - симметрическая матрица соответствующей размерности.

С учетом (28), (29) получим оценку

$$W_1(x, z) \leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x(t)^* (P_k + S) x(t).$$

Следовательно,

$$\dot{V}(x(t)) \leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x^*(t) (P_k + S) x(t) + W_2(x, z) + W_3(x, z).$$

Если условия (23) и (24) выполнены, то производная функции Ляпунова отрицательна. Окончательно,

$$\begin{aligned} \dot{V}(x(t)) &\leq x^*(t) \left(\sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m h_k(z(t)) h_i^2(z(t)) \right) \{G_{ii}^*(P_k + c_0 S) + (P_k + c_0 S) C_{ii}\} + \sum_{k=1}^m a_k (P_k + S) + \\ &+ \sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m \sum_{i < j} h_k(z(t)) h_i(z(t)) h_j(z(t)) \left\{ \left(\frac{G_{ij} + G_{ji}}{2} \right)^* (P_k + c_0 S) + (P_k + c_0 S) \left(\frac{G_{ij} + G_{ji}}{2} \right) \right\} x(t) < 0. \end{aligned}$$

Следовательно, система (7) устойчива. Теорема доказана.

Теорема 5. Предположим, что величины $x(0)$ и $z(0)$ известны. Тогда выполнимы неравенства, (30) если существует положительно определенные матрицы $P_1, P_2, \dots, P_m$ и матрицы $F_1, F_2, \dots, F_m$, удовлетворяющие неравенствам

$$\begin{pmatrix} 1 & x^*(0) \\ x(0) & (P_k + c_0 P)^{-1} \end{pmatrix} \geq 0 \quad \forall i = 1, 2, \dots, m \quad (31)$$

$$\begin{pmatrix} 1 & x^*(0) \\ x(0) & (P_k + c_0 P)^{-1} \end{pmatrix} \geq 0 \quad \forall i = 1, 2, \dots, m \quad (32)$$

Доказательство. Перепишем неравенства (30) в виде

$$\left(\frac{\partial h_k(z(t))}{\partial x(t)} x'(t) \right)^* \left(\frac{\partial h_k(z(t))}{\partial x(t)} x'(t) \right) \leq a_k^2, \quad (33)$$

Подставляя (7) в (33), получаем

$$\frac{1}{a_k^2} \left[y \{ \sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) h_j(z(t)) [A_i - B_i F_j] x(t) \} \left(y \{ \sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) h_j(z(t)) [A_i - B_i F_j] \} \right)_{kmax} x(t) \leq 1 \right],$$

или

$$\left(\frac{y_{kmax}^2}{a_k^2} \right) \left(\sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) h_j(z(t)) [A_i - B_i F_j] \right) \left(\sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) h_j(z(t)) [A_i - B_i F_j] \right).$$

Предположим, что для функции Ляпунова выполнено условие $V(x(t)) \leq V(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0$.

Тогда несложные алгебраические преобразования приводят к оценкам

$$\begin{aligned} \sum_{k=1}^m h_k(z(t)) \quad x^*(t)(P_k + c_0 S)x(t) &\leq \sum_{k=1}^m h_k(z(0)) \quad x^*(0)(P_k + c_0 S)x(0) \leq 1, \\ 1 - \sum_{k=1}^m h_k(z(0)) \quad x^*(0)(P_k + c_0 S)x(0) &\geq 0, \\ 1 - x^*(0) \left(\sum_{k=1}^m h_k(z(0)) (P_k + c_0 S) \right) x(0) &\geq 0. \\ \begin{bmatrix} 1 & x^*(0) \\ x(0) & \left(\sum_{k=1}^m h_k(z(0)) (P_k + c_0 P) \right)^{-1} \end{bmatrix} &\geq 0. \end{aligned}$$

Таким образом,

$$\begin{bmatrix} 1 & x^*(0) \\ x(0) & (P_k + c_0 P)^{-1} \end{bmatrix} \geq 0,$$

что доказывает совместимость (31).

Кроме того, (30) будет выполнено, если справедливы неравенства

$$\begin{bmatrix} a_k \sum_{k=1}^m h_k(z(t))(P_k + c_0 S) & (y_{k \max} K^*) \\ (y_{k \max} K) & a_k I \end{bmatrix} \geq 0,$$

где $K = \sum_{k=1}^m \sum_{i=1}^m h_i(z(t)) h_j(z(t)) [A_i - B_i F_j]$.

Таким образом,

$$\begin{bmatrix} a_k \sum_{k=1}^m h_k(z(t))(P_k + c_0 S) & N_{ijk}^* \\ N_{ijk} & a_k I \end{bmatrix} \geq 0, \quad \forall i, k \in \{1, 2, \dots, m\},$$

где $N_{ijk} = y(A_i - B_i F_j)_{k \max}$. Теорема доказана.

Неразрывно с понятием «устойчивости» динамических систем объектов экономики сопутствует понятие «стабильность», «жизнедеятельность».

Для исследования процессов обеспечения устойчивости и жизнедеятельности региональной экономики будут выступать системы критериев-

факторов, определяющие формирование безопасной системы региональной экономики: экономические, социальные, демографические, экологические, девиантного поведения, политические, а показателями – отдельные критерии внутри этих систем, представлены ниже (табл. 1).

Таблица 1

Критерии, определяющие обеспечение жизнедеятельности региональной экономической системы

Обозначение	Наименование системы критериев-факторов	Критерии
Э	Экономическая	Э1. Уровень относительной доходности на душу населения (ВРП _{дн} на душу населения отнесенный к ВВП _{дн} на душу населения за определенный период)
		Э2. Уровень объема инвестиций (объем инвестиций территории к ВРП отнесенный к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
		Э3. Уровень доли новых видов продукции в объеме выпускаемой продукции (доля новых видов продукции в объеме выпускаемой продукции территории отнесенная к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
		Э4. Относительный уровень инфляции (уровень инфляции на территории отнесенный к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)

С	Социальная	С1. Уровень отношения доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных (отношение уровня доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных территории отнесенное к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
		С2. Уровень доли населения, живущего на пороге бедности (отношение доли населения, живущего на пороге бедности отнесенное к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
Д	Демографическая	Д1. Уровень усредненного суммарного коэффициента рождаемости (КРтер/КРпорог)
		Д2. Уровень усредненного коэффициента ожидаемости продолжительности жизни (КЖтер/КЖпорог)
		Д3. Коэффициент старения населения (доля лиц старше 65 лет отнесенная к усредненной численности населения территории отнесенная к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
Эк	Экологическая	Эк1. Уровень предохранительных затрат на экологию (Объем предохранительных расходов к ВРП территории отнесенный к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
		Эк2. Уровень экологических платежей (Сумма начисленных экологических платежей к ВРП территории отнесенная к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
Дп	Девиантного поведения	Дп1. Уровень преступности на территории (количество преступлений на 100 тыс. человек территории отнесенное к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
		Дп2. Относительный уровень потребления алкоголя (Уровень потребления алкоголя на душу населения территории отнесенный к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
		Дп3. Относительный уровень суицидов (Число суицидов на 100 тыс. человек территории отнесенное к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
П	Политическая	П1. Уровень доли граждан, выступающих за кардинальной изменение политической системы (доля граждан, выступающих за кардинальной изменение политической системы территории отнесенная к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
		П2. Уровень доверия населения к органам власти (доля граждан, выражающих доверие государственным органам власти территории отнесенная к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)
		П3. Уровень доверия населения к органам власти (доля граждан, выражающих доверие муниципальным органам власти территории отнесенная к аналогичному пороговому значению надуровня территории за определенный период)

Тогда «Показатель жизнедеятельности устойчивом функционировании экономической системы региональной экономики» при системе примет вид:

$$V_{Are} = ((\Sigma 1 + \Sigma 2 + \Sigma 3 + \Sigma 4) + (C1 + C2) + (D1 + D2 + D3) + (\Sigma k1 + \Sigma k2) + (Dp1 + Dp2 + Dp3) + (P1 + P2 + P3)) / n, \quad (34)$$

где n – количество критериев

Тогда оценка уровня жизнедеятельности V_{Are} относительно уровня условной 1,0 в устойчивой системе региональной экономики конкретный период времени t, т.е. получаем определяется по предельным значениям показателя $V_{Are}(t)$.

$$V_{Are}(t) = ((\Sigma 1(t) + \Sigma 2(t) + \Sigma 3(t) + \Sigma 4(t)) + (C1(t) + C2(t)) + (D1(t) + D2(t) + D3(t)) + (\Sigma k1(t) + \Sigma k2(t)) + (Dp1(t) + Dp2(t) + Dp3(t)) + (P1(t) + P2(t) + P3(t))) / n(t) \quad (35)$$

Принимаем $V\text{Are}(t) = W4(x(t))$, следовательно будет верно нежесткое неравенство:

$$\begin{aligned} W4(x(t)) &\leq W4(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0, \\ V(x(t)) &\leq V(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0 \end{aligned} \quad (36)$$

Решая совместно уравнения устойчивости экономики при постоянной (стабильной) (стабилизации) и жизнедеятельности устойчивости и жизнедеятельности динамической системы региональной экономики функционирования региональной экономики, **без учета влияния внешних возмущений.** получаем функцию модели региональной

$$\begin{aligned} V(x(t)) &\leq V(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0 \\ V'(x(t)) &\leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x^*(t)(P_k + S) \quad x(t) + W_2(x, z) + W_3(x, z), \text{ при } V'(x(t)) < 0 \\ W4(x(t)) &\leq W4(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0, \end{aligned} \quad (37)$$

Решая с учетом влияния внешних возмущений функцию модели региональной экономики при совместно уравнения устойчивости (стабилизации) постоянной (стабильной) устойчивости и и жизнедеятельности динамической системы жизнедеятельности функционирования региональной экономики получаем искомую региональной экономики,

$$\begin{aligned} V(x(t))_{\min} &\leq V(x(t)) \leq V(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0 \\ V'(x(t)) &\leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x^*(t)(P_k + S) \quad x(t) + W_2(x, z) + W_3(x, z), \text{ при } V'(x(t)) < 0 \\ W4(x(t))_{\min} &\leq W4(x(t)) \leq W4(x(0)) \leq 1 \quad \forall t > 0, \end{aligned} \quad (38)$$

$K(P_{\text{SIST}}(t))_{\min} \leq K(P_{\text{SIST}}(t)) \leq 1$, при $K(G_{\text{SIST}}(t)) \rightarrow 0$, где

$V(x(t))$ – функция Ляпунова;

$V'(x(t))$ – производная функции Ляпунова;

$W4(x(t))$ – функция показателя жизнедеятельности системы региональной экономики;

$K(P_{\text{SIST}}(t))$ – функция коэффициента устойчивости региональной экономики;

$K(G_{\text{SIST}}(t))$ – функция вероятности наступления дестабилизации региональной экономики.

Далее проведем оценку значений показателя критерияльных границ показателей, разработанных жизнедеятельности и устойчивости системы на основе учета мнений региональных экспертов, региональной экономики на основе шкалы представленную в таблице 2.

Таблица 2.

Шкала показателей жизнедеятельности и устойчивости системы региональной экономики ($W4(x(t))$, $V(x(t))$) (предложена авторами).

Значение показателя системы региональной экономики	Критериальная оценка показателей устойчивости и жизнедеятельности системы региональной экономики	
	$W4(x(t))$	$V(x(t))$
До 0,50	критический	критический
0,51-0,69	кризисный	кризисный
0,70-0,79	предкризисный	предкризисный
0,80-0,85	нормально-предкризисный	нормально-предкризисный
0,85-0,99	нормальный	нормальный
1,0 и выше 1,00	высокий	

При «настройке» модели нами не учитывалась степень влияния отдельных подсистем (критериев-факторов) на обеспечение жизнедеятельности динамической системы региональной экономики, приняли показатели взаимного влияния равными 1,0.

В основе синтеза предложенной модели, учитывающей закономерности взаимосвязей показателей социальных, технологических, экономических, экологических и других систем с повышением устойчивости и жизнедеятельности динамических систем региональной экономики, заложена идея сохранения целостности системы, ее устойчивости и жизнедеятельности, заключающаяся в том, что выделяется объект, действие и процесс. Это позволяет снизить уровень

риска несоответствия ожиданий полученным результатам. Соответственно для моделирования процесса взаимодействия этих систем со службой жизнедеятельности государства необходимо идентифицировать категории, соответствующие свойствам «объективности», «изменчивости» и «целостности» [39].

При решении системы уравнений (38) и проведении расчетной апробации методики вводим следующие упрощения (допущения):

- допускаем, что социально-экономическая система функционирует в режиме постоянной (стабильной) устойчивости объекта экономики в заданных амплитудных параметрах устойчивости в определенный период времени, т.е. уравнения устойчивости и стабилизации экономических

систем, основанные на методах линейных матричных неравенств и методе неквадратичных векторных функций Ляпунова не решаются в данном варианте апробации методики и будут решены позднее.

• Полагаем, что система критерий-факторов П (политическая) является предельно относительно стабильной в заданных пределах функционирования системы объекта экономики и принимаем значения критериев $(\Sigma \Pi_i)/\pi_i = 1$, т.е. целесообразно исключить из расчетной апробации методики, что согласуется с условиями текущей политической обстановки в регионах Российской Федерации.

Методика расчета уровней жизнедеятельности:

1. Подборка показателей: критерий-факторов для оценки уровней:

• жизнедеятельности системы объекта экономики;

• жизнедеятельности развития экономики региона;

• жизнедеятельности социально-экономического сектора региона;

• экономической жизнедеятельности населения, и их сопоставление с пороговыми значениями.

Необходимо отметить, что экономическая жизнедеятельность населения в данном исследовании рассматривается не только как показатель материальной защищенности населения в конкретный период времени конкретного региона, но в первую очередь, как стратегический ресурсный потенциал материальной обеспеченности населения на предстоящий период, для обеспечения экономической и финансовой самостоятельности региона, как ресурсную обеспеченность, его потенциал к саморазвитию, способность самостоятельно решать региональные вопросы и вопросы местного значения.

Существует множество факторов, в той или иной степени влияющих на жизнедеятельность региональной экономической системы.

Остановимся на 22-х основных макроэкономических критерий-факторах, на наш взгляд, наиболее четко характеризующие социально-экономическое состояние региона и населения, приведенные в таблице 3.

Ранжирование критериев-факторов по региональным подсистемам (см. таблицу 3).

Таблица 3

Критерий-факторы жизнедеятельности регионов в разрезе блоков

№ п/п	Символы	Наименование блоков	Обозначение критерия	Наименование критерия
	Э	Экономическая	Э ₁	Доля обрабатывающей промышленности в промышленном производстве, %.
			Э ₂	Объем инвестиций к ВРП, в %.
			Э ₃	Износ основных фондов, %.
			Э ₄	Инновационная активность организаций, %.
			Э ₅	Внешнеторговая деятельность (соотношение экспорта с импортом), раз.
			Э ₆	Доля малого и среднего бизнеса в промышленном производстве региона, %.
			Э ₇	Уровень собственных доходов в консолидированном бюджете к ВРП, в %.
			Э ₈	Объем ВРП к объему основных фондов
	С	Социальная	С ₁	Объем ВРП на душу населения, тыс.руб.
			С ₂	Уровень расходов консолидированного бюджета на социально-культурные мероприятия (образование, здравоохранение, социальная политика) к ВРП, в %.
			С ₃	Уровень доходов населения к ВРП, в %.
			С ₄	Уровень занятости населения, %.
			С ₅	Уровень фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения, тыс.руб.
			С ₆	Индекс потребительских цен
			С ₇	Уровень заболеваемости на 1 000 чел.
	Д	Демографическая	Д ₁	Коэффициент естественного прироста населения (на 1000 человек населения)
	Дп	Девиант-ного поведения	Дп1.	Уровень числа зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения) Уровень преступности на территории (количество преступлений на 100 тыс.

				человек территории отнесенное к аналогичному пороговому значению над уровня территории за определенный период)
			Дп2	Относительный уровень потребления алкоголя (Уровень потребления алкоголя на душу населения территории отнесенный к аналогичному пороговому значению над уровня территории за определенный период)
	Эк	Экологическая	Эк1	Уровень предохранительных затрат на экологию (Объем предохранительных расходов к ВРП территории отнесенный к аналогичному пороговому значению над уровня территории за определенный период)
	П	Политическая	П1	Уровень доли граждан, выступающих за кардинальной изменение политической системы (доля граждан, выступающих за кардинальной изменение политической системы территории отнесенная к аналогичному пороговому значению над уровня территории за определенный период)
			П2	Уровень доверия населения к органам власти (доля граждан, выражающих доверие государственным органам власти территории отнесенная к аналогичному пороговому значению над уровня территории за определенный период)
			П3	Уровень доверия населения к органам власти (доля граждан, выражающих доверие муниципальным органам власти территории отнесенная к аналогичному пороговому значению над уровня территории за определенный период)

Источник: подготовлено авторами.

1. Расчет значений уровней жизнедеятельности методом линейной комбинации частных показателей. Данный показатель формируется из группировки частных показателей по основным стратегическим направлениям:

- **уровень жизнедеятельности системы объекта экономики (VARE) – критерии 1-22 в интегрированный показатель VARE;**
- **уровень жизнедеятельности развития экономики региона (LAE) – критерии 1-8 в интегрированный показатель LAE;**
- **уровень жизнедеятельности социально-экономического сектора региона (LSE) - критерии 1-18 в интегрированный показатель LSE;**
- **уровень экономической жизнедеятельности населения (GEP) – критерии 9-18 в интегрированный показатель GEP;**
- **индекс локализации (IL);**
- **уровень дифференциации региона (территории) (Dr).**

Объединение частных значений показателя в единый интегрированный целесообразно производить методом получения среднего арифметического значения. Использование данной методики линейной комбинации частных показателей объясняется тем, что все используемые показатели взаимозаменяемы, а снижение значения одного из них в суммарной оценке полностью

компенсируется другим положительным изменением значения показателя:

$$\begin{aligned} VARE &= (\Sigma I_{1-22})/n_1 \\ LAE &= (\Sigma I_{1-8})/n_2, \\ LSE &= (\Sigma I_{1-18})/n_3, \\ GEP &= (\Sigma I_{9-18})/n_4 \end{aligned} \quad (39)$$

где n_i – количество стратегических направлений, в данном случае $n_1=22$, $n_2=8$, $n_3=18$, $n_4=10$

Степень значимости для каждого частного показателя в отдельности следует рассматривать через отношение фактических и пороговых значений показателей. Для системы используемых показателей с разными единицами измерения важным является приведение показателей к единой величине и проведение нормирования порогового значения, принимаемого за 1, что, соответственно, и позволяет делать подобная техника расчета.

Коэффициент значимости показателя жизнедеятельности экономики (I_i) определяется как отношение фактического значения показателя к пороговому:

$$I_i = Sp_j \times Sv_i (Sf_i / Sp_i) \quad (40)$$

где P_i – коэффициенты значимости фактических и пороговых значений показателя;

Sf_i – фактическое значение показателя-фактора;

Sp_i – пороговое значение показателя-фактора;

S_{vi} – весовой коэффициент показателя-фактора относительно других показателей-факторов в системе критерий-факторов в пределах конкретного региона;

S_{pj} – весовой коэффициент показателя-фактора относительно других показателей-факторов в системе критерий-факторов в пределах конкретного региона относительно регионов исследуемого государства (страны). Допущение: в данном случае апробации методики S_{vi} и S_{pj} примем равным 1,0.

Вышеперечисленные критерии характеризуют уровень жизнедеятельности народнохозяйственных объектов, расположенных на той или иной территории, уровень жизнедеятельности населения, социально-экономического сектора территории и экономики региона в целом.

Проведем расчет показателей уровней жизнедеятельности на примере Владимирской области по отдельным направлениям в сравнении с пороговыми значениями на уровне средних значений соответствующих показателей по России.

2. Применительно к предмету исследования целесообразно оценить индекс локализации, показывающий насколько локализовано в регионе (территории) производство ВРП и определяется по формуле:

$$IL = GRP_i / GRP_o, \quad (41)$$

где GRP_i – ВРП на душу населения в регионе (территории);

GRP_o – средний уровень ВРП на душу населения по более доминирующему территориальному образованию.

3. Дифференциация и развитие региона (территории) определяется по совокупности анализа трех интегрированных показателей с

учетом индекса локализации: **уровню жизнедеятельности региональной экономики, экономической жизнедеятельности населения, уровню дифференциации региона (территории) и индексу локализации (см. таб. 4).**

4. Нами предложена упрощенная методика определения уровня дифференциации региона (территории) - Dr - следующим образом:

$$Dr = K_o \times (GEP / VARE), \quad (42)$$

Где K_o - Коэффициент обратной осцилляции;

5. Коэффициент обратной осцилляции

$$K_o = 1 - R / GRP \quad (43)$$

где GRP – среднее значение ВРП на душу населения в совокупности.

6. Для оценки величины вариаций территорий по среднедушевому ВРП рассчитаны показатели [13]:

Размах вариации

$$R = GRP_{max} - GRP_{min}, \quad (44)$$

где GRP_{max} и GRP_{min} – соответственно максимальное и минимальное значение ВРП на душу населения в совокупности,

7. Далее проведем оценку значений уровней жизнедеятельностей систем региональной экономики и дифференциации на примере Владимирской области на основе шкалы критериальные границ показателей критерий-факторов, разработанных на основе учета мнений региональных экспертов.

Таблица 4

Шкала показателя уровней жизнедеятельности: объекта экономики, экономической жизнедеятельности населения, уровня дифференциации региона (территории) жизнедеятельности региона, индекса локализации ВРП.

Значение показателя уровня жизнедеятельности	Критериальная оценка уровня жизнедеятельности				Dr	IL
	VARE	GEP	LAE	LSE		
До 0,50	критический	критический	критический	критический	критическая	критическая локализация
0,51-0,69	кризисный	кризисный	кризисный	кризисный	резкая	малая локализация
0,70-0,79	предкризисный	предкризисный	предкризисный	предкризисный	средняя	средняя локализация
0,80-0,85	нормально-предкризисный	нормально-предкризисный	нормально-предкризисный	нормально-предкризисный	малая	резкая локализация
0,85-0,99	нормальный	нормально-устойчивый	нормально-устойчивый	нормальный	нормальная	нормальная локализация
Свыше 0,99	высокий	Высоко-устойчивый	Высоко-устойчивый	Высокий	кризисная	1,00

Источник: подготовлено автором.

8. На основании рассмотренной выше жизнедеятельности объекта экономики, методики авторами оценены уровни развития экономики, социально-экономического

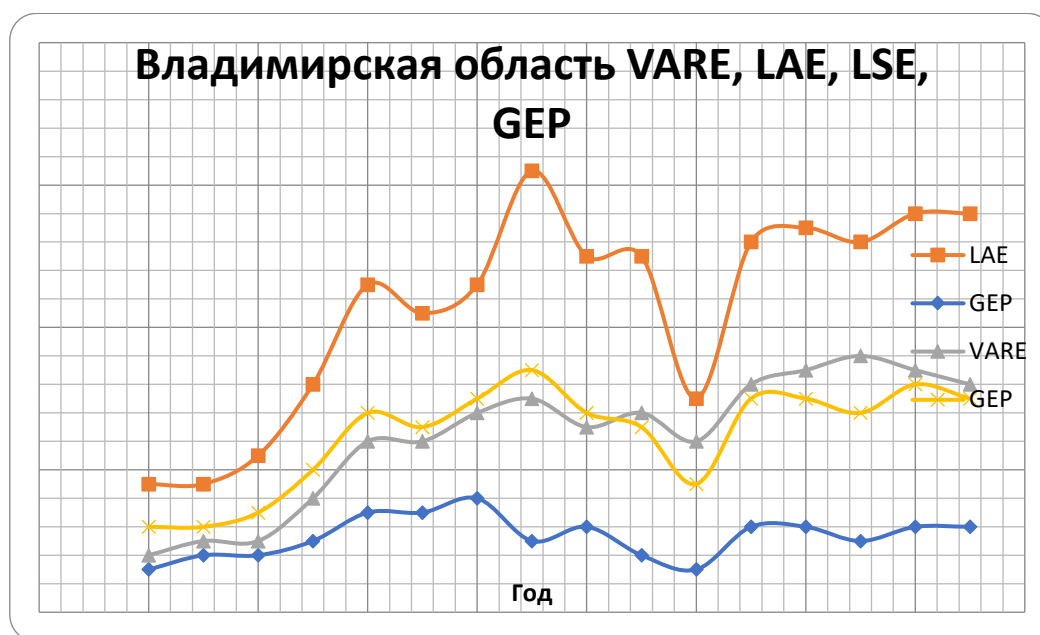

Рис. 1. График уровней жизнедеятельности экономики Владимирской области за период 2002–18 гг. Источник: подготовлено автором.

На основе проведенного анализа интегрированных показателей жизнедеятельности региона, региональной экономики, социально-экономического сектора и экономической жизнедеятельности населения Владимирской области следует отметить, что:

- в целом общее состояние Владимирской области характеризуется как «*нормальное*» ($VARE = 0,85...0,97 < 0,99$);

- LAE находится в пределах $0,89...1,11$ - что говорит о высоком экономическом потенциале области по сравнению с показателями, отнесенными на душу населения средне статистического Субъекта России. LAE имеет тенденцию к улучшению ситуации в течение 2002-11г.г., 2012-18г.г., полагаем, что в период 2011-12г.г. наблюдались кризисные явления в экономике региона, что потребовало проведение определенных ответных мер на вызовы и угрозы, не исключено, что данный кризис был инициирован накопившимися внутренними проблемами системы гос.управления региона и осуществлен по средствам внешних корректирующих воздействий со стороны Федерации, соединенных с реализацией управления точечными внутрисистемными реализациями;

- уровень жизнедеятельности социально-экономического сектора региона характеризуется как «*нормальный*» ($LSE = 0,85 < 0,86...0,96 < 0,99$), изменения в социально-экономической сфере аналогичны изменениям в экономической сфере, график LSE практически повторяет график LAE с динамикой изменения в пределах не более 6-8%, что практически не влияет на динамику изменений в экономической и социально-экономической сферах, т.е. фактически имеем систему

гос.управления в двух сферах по схеме «воздействие-отклик», характеризующуюся **быстрым реагированием** на изменение институциональных условий.

Уровень экономической жизнедеятельности населения Владимирской области за период 2002-2018 гг. оцениваем как «*нормально-предкризисный*» ($GEP = 0,83...0,86$), то есть характерно состояние, при котором угрозы жизнедеятельности населения приобретают актуальность, что требует учета при принятии решений в гос.управлении регионом и в случае бездействия в направлении нейтрализации и ликвидации угроз экономической жизнедеятельности в социально-экономической сфере и может возникнуть серьезная опасность развития дестабилизирующих факторов и процессов, что может в ближайшем будущем привести к ухудшению общей экономической ситуации в регионе, спровоцировать недоверие к органам власти, что повлияет на устойчивость системы гос.управления и МСУ региона.

Проводя анализ графиков уровней жизнедеятельности экономики региона можно выделить **принцип «подков»** (рис.1), график уровня жизнедеятельности населения располагается ниже графика уровня жизнедеятельности развития экономики региона при выпуклости первого, образуя «подковы», и график уровня экономической жизнедеятельности населения располагается условно снаружи графика уровня жизнедеятельности экономики региона при вогнутости первого, т.е. при изменении динамики экономических процессов, происходящих в регионе наблюдается следующее:

- при наличии положительных изменений в экономике региона (увеличение LAE, LSE) – с **минимальной временной задержкой** улучшается экономическое положение населения (повышение GEP(+)) время задержки реакции региональной экономики);

- при ухудшении экономической ситуации в регионе (уменьшение значений LAE, LSE) – заблаговременно ухудшается экономическое положение населения (уменьшение GEP(–) время задержки реакции региональной экономики), при чем выявлена следующая закономерность времени реакции системы: $T(GEP(+)) < T(GEP(-))$, т.е. время реагирования системы на положительные изменения меньше, чем на отрицательные изменения. Реакция социальной системы по схеме «воздействие-отклик» быстрее происходит при

положительных изменениях в экономике, чем при отрицательных в пределах 10-15% по скорости экономических изменений.

Таким образом, можно сделать предположение, что показатель **GEP – уровень экономической жизнедеятельности населения является приоритетным показателем при анализе и характеристике качества уровня управления регионом и анализе экономических процессов, протекающих в регионе, также при принятии стратегических кадровых решений в регионе органами государственной власти Российской Федерации.**

Аналогичным образом ретроспективно анализируем ситуацию в Рязанской и Ивановской областях.

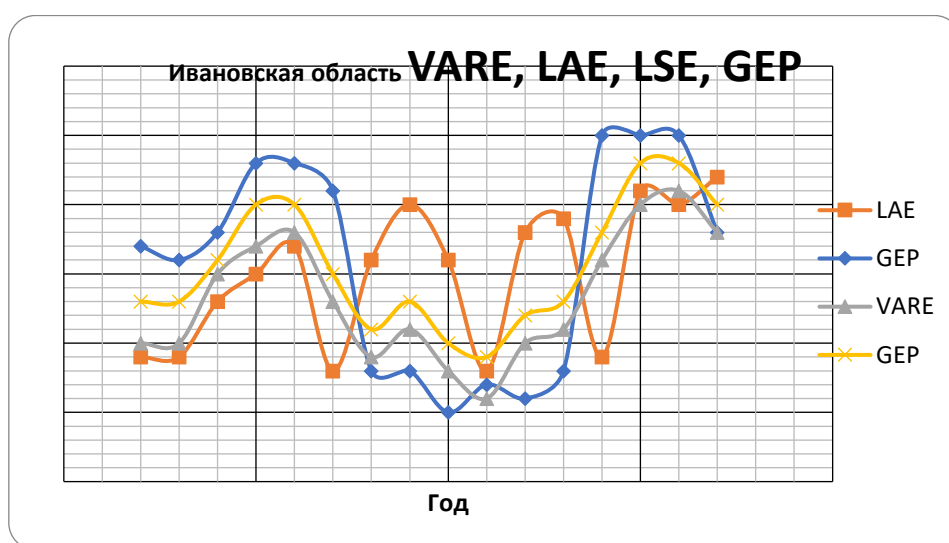

Рис. 2. График уровней жизнедеятельности системы объекта экономики, региональной экономики и уровня экономической жизнедеятельности населения Ивановской области за период 2002-18 г.г.
Источник: подготовлено автором

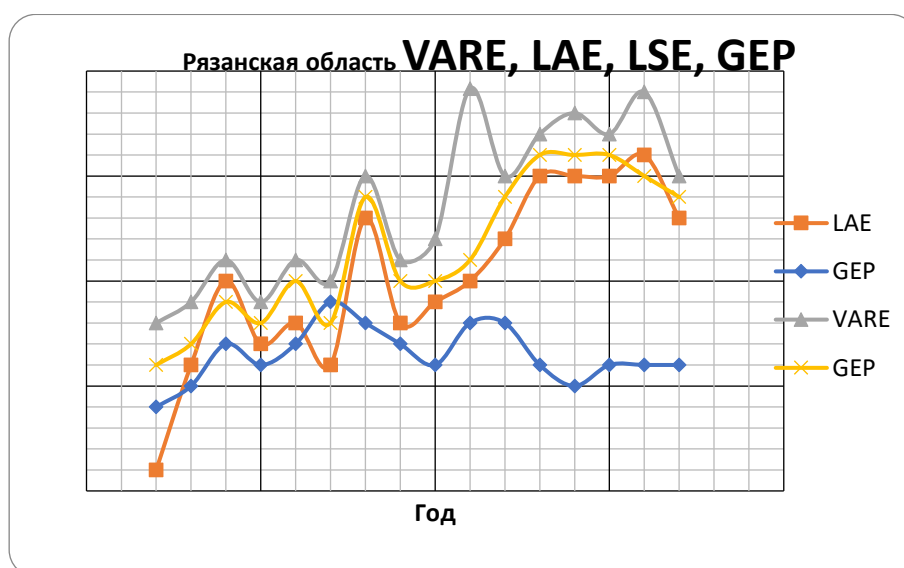

Рис. 3. График уровней жизнедеятельности системы объекта экономики, региональной экономики и уровня экономической жизнедеятельности населения Рязанской области за период 2002-18 г.г.
Источник: подготовлено автором.

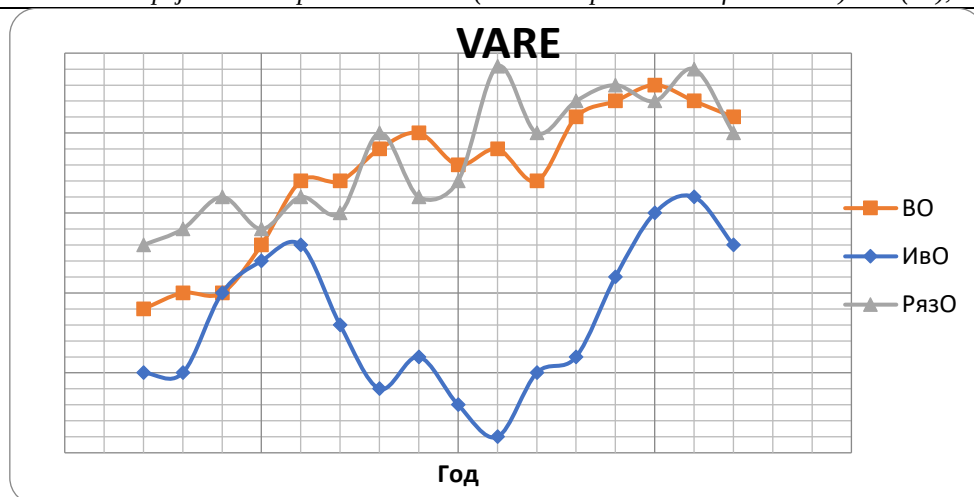

Рис. 4. График уровня жизнедеятельности системы объекта экономики Владимирской, Ивановской, Рязанской областей за период 2002-18 г.г.
Источник: подготовлено автором.

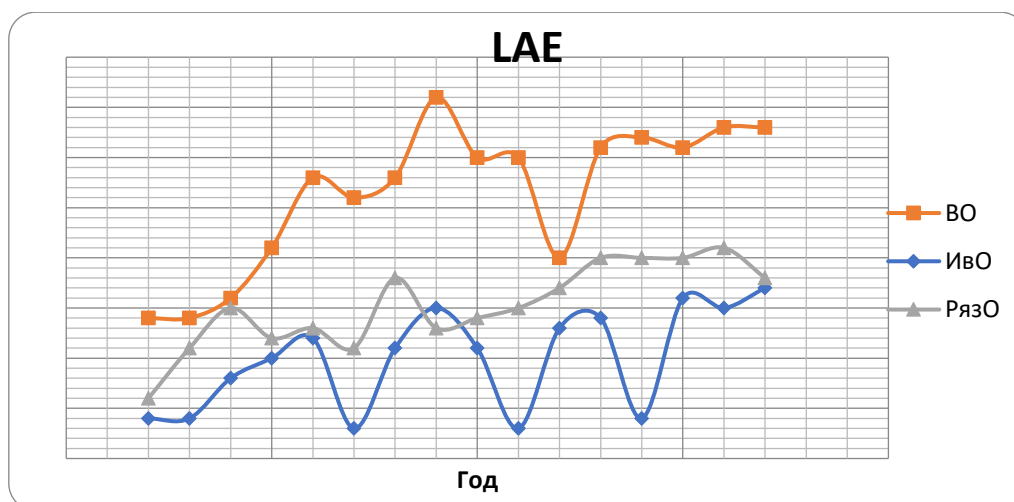

Рис. 5. График уровня жизнедеятельности развития экономики региона Владимирской, Ивановской, Рязанской областей за период 2002-18 г.г.
Источник: подготовлено авторами.

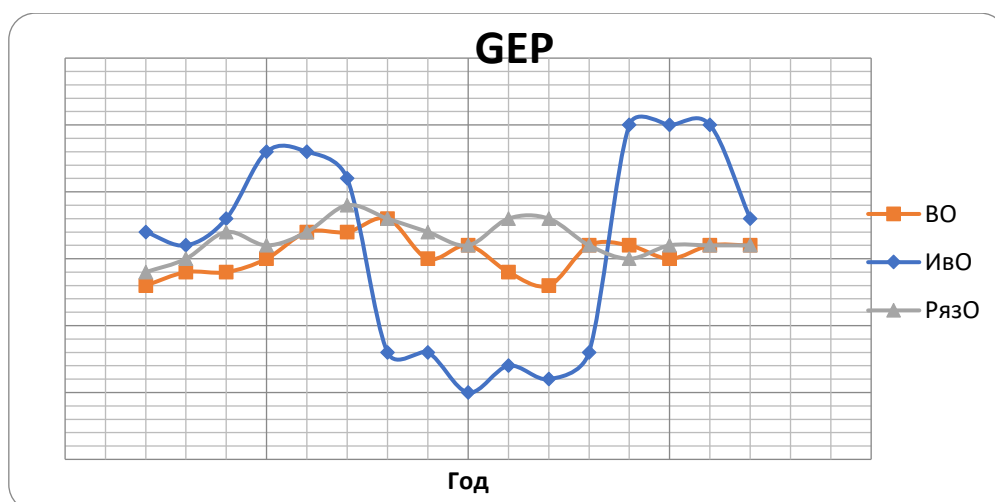

Рис. 6. График уровня экономической жизнедеятельности населения Владимирской, Ивановской, Рязанской областей за период 2002-18 г.г.
Источник: подготовлено автором.

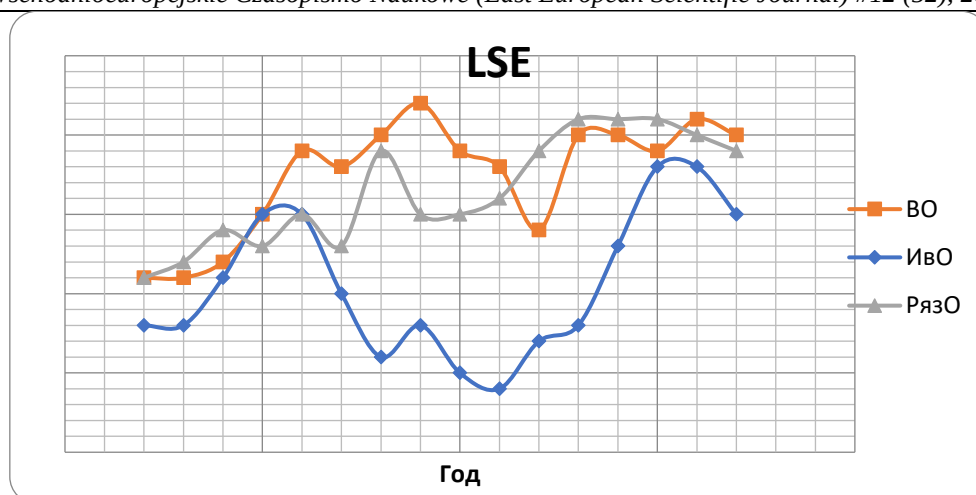

Рис. 7. График уровня жизнедеятельности социально-экономического сектора Владимирской, Ивановской, Рязанской областей за период 2002-18 г.г.

Источник: подготовлено автором.

Подводя итог анализа и первичной апробации модели на примере Владимирской, Ивановской и Рязанской областей авторами предложен алгоритм динамической стабилизации системы региональной экономики (7)

Шаг 1. Введем функцию Ляпунова вида (12), где V_k определены в (13).

Шаг 2. Вычислим производную по времени вдоль траектории системы региональной экономики (22).

Шаг 3. Запишем производную функции Ляпунова $V(x(t))$ с учетом матриц P_k и S , удовлетворяющих условиям теоремы и условию при котором функция Ляпунова удовлетворяет значению: $0,5 \leq V(x(t)) \leq V(x(0)) \leq 1$.

Шаг 4. Для проведения анализа устойчивости системы разобьем производную на три части

$$\dot{V}(x(t)) = W_1(x, z) + W_2(x, z) + W_3(x, z).$$

Шаг 5. С учетом предположения (8) и соотношения (4) получим оценку для

$$W_1(x, z) = \sum_{k=1}^m a_k \cdot x^*(t) (P_k + S) x(t).$$

Шаг 6. Проверяем знак производной функции Ляпунова $V'(x(t))$ с учетом выполнения соотношений (23) и (24);

$$V'(x(t)) \leq \sum_{k=1}^m a_k \cdot x^*(t) (P_k + S) x(t) + W_2(x, z) + W_3(x, z).$$

Шаг 7. Для проведения анализа жизнедеятельности системы проверяем значение показателя $W_4(x(t))$ с учетом выражения (35) и проводим сравнение с пороговыми значениями показателя, представленными в таблице 2

Шаг 8. Если производная функции Ляпунова $V'(x(t)) < 0$, то система (7) устойчива, а также если $0,51 \leq W_4(x(t)) \leq W_4(x(0)) \leq 1$, то система обладает нормативным уровнем жизнедеятельности, в

противном случае перейти к шагу 3 и 7 соответственно, вводя корректирующие меры по изменению входных условий и функций структуры региональной экономики. Так же следует отметить, что при введении корректирующих мер имеем возможность производить настройку параметров чувствительности динамической системы региональной экономики как в тестовом, так и в аварийных режимах функционирования.

В рамках настоящего исследования показаны принципиальные основы синтезирования модели взаимовлияния социальной, экономической, технологической и иных систем региональной экономики, позволяющие формировать оптимальные входные параметры рассматриваемой системы относительно заданных требований к обеспечению жизнедеятельности личности, общества, государства. Установлены достаточные условия устойчивости и стабилизации экономических систем с помощью метода линейных матричных неравенств и метода неквадратичных векторных функций Ляпунова, а также условия устойчивости расширяют область применений по сравнению с полученными ранее условиями, описанными в литературе. Предложенный алгоритм стабилизации управляемой системы может быть использован для стабилизации развития сложных экономических систем, как на уровне отдельного хозяйствующего субъекта, территории, так и на уровне государства.

Библиографический список

1. Лащева Т.О. Формирование и активизация полюсов экономического развития в регионе / Дис. ... кандидата экон. наук. - Санкт-Петербург, 2008.
Управление региональной экономикой / Г.В.Гутман, А.А.Мироedов, С.В.Федин; Под ред. Г.В.Гутман. - М: Финансы и статистика, 2001.
Федоренко Н.П. О целях и стратегии социально-экономического развития России / Экономика и математические методы. -. 2003. - Т.39., № - 2

Федорова Т.А. Регион в системе единого народнохозяйственного комплекса. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981

Алаев А.Б. Социально-экономическая география: Понятийно терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.

Региональное воспроизводство в системе социалистических производственных отношений. - Л.: Издательство ЛГУ, 1984.

Дроздова Н.П. Неинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса//Экономическая теория на пороге XXI века. - М., 1998.

Основные положения региональной политики в Российской Федерации. Утверждены Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803. - М., 1996

Римашевская Н. М. О проблеме преодоления бедности и неравенства.// Экономическая наука современной России.-2005.-№3.; Управление качеством жизни/Под редакцией члена-корреспондента РАН В.В. Окрепилова. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2006.

Мироедов А.А. Совершенствование управления региональной экономикой на базе новой концепции его информационного обеспечения / Автореферат дис. . доктора экон. наук. - Иваново, 2007.

Федоренко Н.П. Проблемы бедности и богатства в современной России.// Экономическая наука современной России.-2005.-№3.

Стратегический анализ социально-экономического развития региона: принципы, основные направления, проблемы /Под ред. В.А.Гнево, В.Е.Рохчина. - СПб.: ИРЭ РАН, ИУЭ, 2004.

Когут А.Е., Рохчин В.Е. Информационные основы регионального социальноэкономического мониторинга.- СПб.: ИСЭП РАН, 1995.

Богданов И.Я. Экономическая жизнедеятельность России: теория и практика. - М.: ИСПИ РАН, 2001. - С. 27, 39.

Шестаков А.А. Обобщенный прямой метод Ляпунова для систем, с распределенными параметрами. М. : УРСС. 2007.

Дружинина О.В., Масина.О.Н. Методы - исследования устойчивости и управляемости нечетких и стохастических динамических систем. М.: ВЦ РАН. 2009.

Дружинина О.В., Петрова С.Н. Метод функций Ляпунова для неквадратичной стабилизации управляемых систем// Информационно-измерительные и управляющие системы. 2012. Т. 10. № 6. С. 40-47.

Петрова С.Н., Дружинина О.В. Синтез и стабилизация нечетких систем управления с помощью параметризованных линейных матричных неравенств // Труд. Института системного анализа РАН. Динамик неоднородных систем. 2010. Т. 49(1). С. 57-61.

References

1. Lashcheva T. O. Formation and activation of poles of economic development in the region... Candidate ekon. Sciences. - St. Petersburg, 2008.

2. Regional Economy Management/G.W.Gutman, A.A.Miroedov, S.V.Fedin; Ed. G.W.Gutman - M: Finance and Statistics, 2001.

3.Fedoenko N.P. On Goals and Strategies of Social and Economic Development of Russia/Economics and Mathematical Methods. -. 2003. - T.39., No. - 2

4. Fedorov T.A. Region in the System of the Unified National Economic Complex. - L.: Russian State University, 1981

5. Alayev A.B. Socio-economic geography: Conceptual terminology dictionary. M.: Thought, 1983.

6. Regional reproduction in the system of socialist industrial relations. - L.: Publishing House of LSU, 1984.

7. Drozdova N.P. Neo-Institutional Concept of Economic History of Russia: Raising the Question/Economic Theory on the Threshold of the XXI Century. - М., 1998.

8. Basic provisions of regional policy in the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of June 3, 1996 № 803. - М., 1996

9. Rimashovsky N. M. On the Problem of Overcoming Poverty and Inequality.//Economic Science of Modern Russia. Quality of Life Management/Edited by Russian Academy of Sciences Correspondent Member V.V. Okrepilov. - SPb.: Publishing House of the St. Petersburg Academy of Management and Economics, 2006.

10. Miroedov A.A. Improvement of regional economy management on the basis of the new concept of its information support/Autoreferat dis. Dr. ekon. Sciences. - Ivanovo, 2007.

11. Fedoenko N.P. Problems of poverty and wealth in modern Russia.//Economic science of modern Russia. -2005.- № 3.

12.Strategic analysis of socio-economic development of the region: principles, main directions, problems/Under ed. V.A.Gneko, V.E.Rohchina. - SPb.: IRE RAS, IUE, 2004.

13. Kogut A.E., Rohchin V.E. Information basis of regional socio-economic monitoring. - SPb.: ISEP RAS, 1995.

14.Bogdanov I.J. Economic activity of Russia: theory and practice. - Moscow: ISPI RAS, 2001. - P 27, 39.

15. Shestakov A.A. Generalized direct method of Lyapunov for systems with distributed parameters. M.: URSS. 2007.

16. Druzhinina O.V., Masina. O.H. Methods - studies of stability and controllability of fuzzy and stochastic dynamic systems. MOSCOW: VTS RAS. 2009.

17. Duzhinin O.V., Petrov S.N. Method of Lyapunov functions for non-square stabilization of controlled systems//Information-measuring and control systems. 2012. Т. 10. No. 6. Page 40-47.

18.Petrova S.N., Druzhinin O.V. Synthesis and stabilization of fuzzy control systems using parameterized linear matrix inequalities//Labor. Institute of System Analysis of RAS. Speaker of heterogeneous systems. 2010. Т. 49(1). Page 57-61.

#12 (52), 2019 część 3
Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe
(Warszawa, Polska)
Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku polskim, angielskim, niemieckim i rosyjskim.

Artykuły przyjmowane są do dnia 30 każdego miesiąca.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Format - A4, kolorowy druk

Wszystkie artykuły są recenzowane

Każdy autor otrzymuje jeden bezpłatny egzemplarz czasopisma.

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej czasopisma.

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

Rada naukowa

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

#12 (52), 2019 part 3
East European Scientific Journal
(Warsaw, Poland)
The journal is registered and published in Poland. The journal is registered and published in Poland. Articles in all spheres of sciences are published in the journal. Journal is published in **English, German, Polish and Russian.**

Articles are accepted till the 30th day of each month.

Periodicity: 12 issues per year.

Format - A4, color printing

All articles are reviewed

Each author receives one free printed copy of the journal

Free access to the electronic version of journal

Editorial

Editor in chief - Adam Barczuk

Mikołaj Wiśniewski

Szymon Andrzejewski

Dominik Makowski

Paweł Lewandowski

The scientific council

Adam Nowicki (Uniwersytet Warszawski)

Michał Adamczyk (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Peter Cohan (Princeton University)

Mateusz Jabłoński (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Piotr Michalak (Uniwersytet Warszawski)

Jerzy Czarnecki (Uniwersytet Jagielloński)

Kolub Frennen (University of Tübingen)

Bartosz Wysocki (Instytut Stosunków Międzynarodowych)

Patrick O'Connell (Paris IV Sorbonne)

Maciej Kaczmarczyk (Uniwersytet Warszawski)

Dawid Kowalik (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)

Peter Clarkwood (University College London)

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Redaktor naczelny - Adam Barczuk

1000 kopii.

Wydrukowano w «Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska»

Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe

Aleje Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warszawa, Polska

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com/>

Igor Dzedzic (Polska Akademia Nauk)
Alexander Klimek (Polska Akademia Nauk)
Alexander Rogowski (Uniwersytet Jagielloński)
Kehan Schreiner(Hebrew University)
Bartosz Mazurkiewicz (Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki)
Anthony Maverick(Bar-Ilan University)
Mikołaj Żukowski (Uniwersytet Warszawski)
Mateusz Marszałek (Uniwersytet Jagielloński)
Szymon Matysiak (Polska Akademia Nauk)
Michał Niewiadomski (Instytut Stosunków Międzynarodowych)
Editor in chief - Adam Barczuk

1000 copies.

Printed in the "Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland»

East European Scientific Journal

Jerozolimskie 85/21, 02-001 Warsaw, Poland

E-mail: info@eesa-journal.com ,

<http://eesa-journal.com>